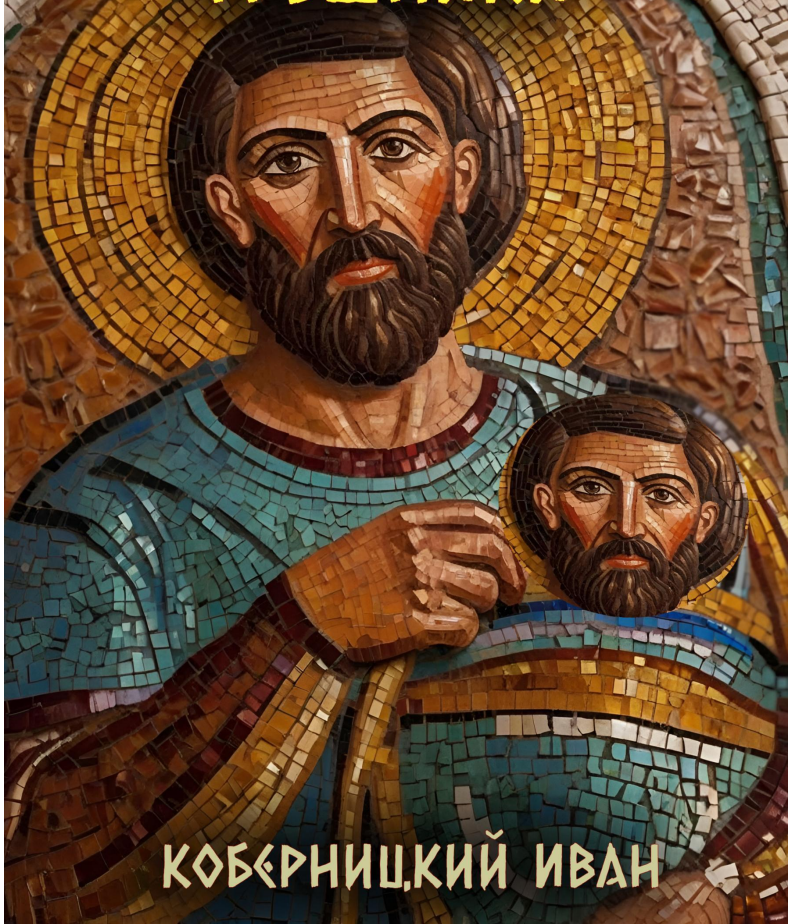

ВИЗАНТИЙСКИЕ ГРЕШНИКИ

КОБЕРНИЦКИЙ ИВАН

Иван Коберницкий

Византийские грешники

<https://litres.ru/72129079>

SelfPub; 2025

Аннотация

Византия. Молодой служащий Кесарий мечтает написать исторический труд. И хорошо бы попасть на непыльную работу во дворец. Но попадает к угрюмому полководцу Велизарию. Что сулит Кесарию эпоха императора Юстиниана? Смогут ли ромеи покорить Персию, Северную Африку с хризмой на знамёнах, как хочет того василевс?

Околоисторическая проза, понятная современному читателю.

Содержание

Глава 1. Начало	4
Глава 2. Проповедь	11
Глава 3. Племянник	20
Глава 4. Холм Нового Рима	28
Глава 5. Услуга	37
Глава 6. Тряска	45
Глава 7. Поручение	51
Глава 8. В капюшоне	59
Глава 9. Утро	64
Глава 10. Вопросы	73
Глава 11. Канцелярия	83
Глава 12. Назначение	91
Глава 13. Зрелище	102
Глава 14. Поход	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Иван Коберницкий

Византийские грешники

Глава 1. Начало

Путь к ближайшему форуму Константинополя лежал от самого величественного акведука между третьим и четвертым холмами через ряды улочек. Нумерий, скрюченный полноватый мужчина в белом плаще с каймой, был в компании нанятого им специалиста по праву и своего помощника-простолюдина. Последний тащил мешок, из которого то и дело доносилось еле различимое бряцанье. Поначалу шли молча. Но владелец имущества, склонный трепаться, не на шутку заскучал:

– Побасёнка! Давеча в таверне услышал. Не про амазонок, поприличнее. Так вот, словесный поединок трёх уважаемых мужей. Один говорит: «Важнее всего вода. Мы пьем воду и живём, плескаемся и радуемся, видим воду и успокаиваемся». Второй не согласен: «Все сущее держится благодаря деньгам. Есть монеты, сможешь купить себе воду». Третий, губернатор провинции, выдаёт: «В основе всего закон. Я тут закон и в любой момент могу забрать себе вашу воду и деньги».

Рассказчик засмеялся так, словно под его личиной скры-

вались осёл и дельфин разом. Переносчик добра всхлипнул и замигал глазами, пытаясь выдавить натужную улыбку. А вот второй спутник никак не отреагировал и вообще выглядел задумчиво.

Когда любитель побалагурить успокоился и перевёл дух, то обратился к занятому своими мыслями:

– Посредник, чего грустный?

По правде говоря, человек этот не был настоящим посредником и специалистом по праву, хотя и имел полномочия для заверения сделок. Звали его Кесарий. Происходил из Прокопиии на реке Оронт в Сирии. Надо сказать, непримечательный городок отмечали далеко не на каждой карте. Худощав, ростом выше среднего. С тёмно-синими глазами, короткими каштановыми волосами и аккуратной бородой. Усталый вид делал его старше своих двадцати четырёх лет.

– Не выспался, – честно ответил Прокопийский нанимателю.

Всю дорогу он безуспешно пытался отыскать в памяти застывшие обрывки сна, увиденного накануне. В грёзах перед ним возник аналой с раскрытой книгой. Откуда-то тогда появилось понимание: книга необъяснимым образом знает подробности любого события в прошлом. Кесарий мысленно любопытствовал, сколько воинов составляли орду Аттилы, что умер семьдесят лет назад. Тогда на пустом пергаменте начали появляться кляксы. В грёзах он ринулся к странице, устремил на неё взгляд, но тут же проснулся. «Меньше

мечтай о дворцовой библиотеке с Гомером и Геродотом!» – тогда подумалось ему. В комнате хозяйничала ночная прохлада, а под окнами раздавались пьяные крики. Прокопийский приподнялся глянуть на полную луну, а затем лёг. Однако ему уже не посчастливилось беззаботно уснуть.

– Тоже ворочался на ложе до рассвета. Думы о переезде мучительны, – поделился Нумерий. – Виноградник на Кипре греет сердце. Только б саранча не поела.

– Если не секрет, почему уезжаете из столицы? – поддержал разговор Кесарий.

– Шумно, людно. Хочется иного.

– Понимаю, глупо упускать шанс начать новую жизнь.

– Но я буду скучать по игре в кост... – Нумерий не закончил, потому что слух его зацепился за скрежет из мешка, скрежет отчётливее прежнего. – Аккуратнее, увалень! Лучше бы нанял нормального носильщика! – завопил он на всю улицу так, что привлёк внимание редких прохожих.

На деле сие заявление отдавало лукавством: алчная жилка вряд ли бы позволила такие траты. Нумерий даже нашёл найдешевейшего консультанта из всех возможных и чрезвычайно радовался такой экономии. Главное, Прокопийский на вид порядочен.

– Заметили, посредник, как чернь пялится? Небось жаждет отобрать мои драгоценности.

– Простите великодушно, раз вы так печётесь, то могли бы обратиться к наёмной охране.

– Пфф! – брезгливо отмахнулся богач. – В ремесле наёмников дикие варвары. Ещё и потом дают наводки ворами...
Средь бела дня нам опасаться нечего.

Кесарий специально ускорил шаг, дабы избежать возможных назойливых разговоров. Впереди из пёстрых крыш торговых лавок выросла колонна Аркадия, резная и с триумфальным орнаментом. Место, где раньше стояла венчавшая её статуя, пустовало: полвека назад изваяние с грохотом рухнуло вниз из-за природного катаклизма, а уцелевшие фрагменты потом отправились украшать отнюдь не парадный двор одной общественной бани.

Вокруг столпа раскинулся форум, который также носил имя Аркадия, первого властителя Восточной Римской империи. Этот форум был одной из четырёх значимых площадей столицы. Когда Кесарий только переехал в оплот ромейской цивилизации, раскинувшийся между водами Пропонтиды, Босфора и Золотого Рога, то любил приходить сюда и просто наблюдать за происходящим.

На форуме кипела городская жизнь.

– Покупаем, не стесняемся, – горланили торговцы.

– Овощи опять подорожали, – грустно констатировал де-белый гражданин.

– С дороги! – злился седой старик, тягавший повозку с сеном.

Прокопийский приметил двоих нищих, что просили милостыню, припав лбами к пыльной земле. Один из них, с

кожей оливкового цвета, выглядел болезненно и постоянно дёргался. Его сосед виртуозно скрывал здоровую руку в полах мятого плаща, а накладками из шерсти имитировал горб. Худыми перстами он старался поймать полы одежд прохожих, но выбирал тщательно, не кидаясь на каждого. Кесарий в простецкой пенуле и с сумой наперевес оказался ему не интересен.

– Ради всего святого, подайте! – псевдогорбатый обратился к Нумерию. Лицо просящего выражало горестное исступление.

– Отвянь, ради всего святого, – с надменностью парировал тот.

Кесарий понял, что сильно оторвался, и остановился подождать свою временную компанию.

– Куда теперь? – тактично спросил он.

Наниматель повертелся по сторонам, разглядывая фасады домов.

– Кажись, вон та замызганная контора! – возрадовался Нумерий и выставил вперед мизинец, указывая на здание прямо перед собой.

– «Предприятие ювелирной обработки и сопутствующих услуг Петра Борсимеса», – прочитал Кесарий вслух.

«И ничего не замызганная! Вполне опрятно выглядит».

Через минуту троица вошла в лавку. По сравнению с залитым солнцем форумом в ней было тускловатое. Из помещения ещё не выветрился запах древесины, какой скорее стоял

в плотницких мастерских.

– Приветствую, уважаемые! – доброжелательно произнёс из-за абсолютно пустой стойки гладко выбритый мужчина средних лет с квадратными скулами. За его спиной можно было заметить две двери в сопутствующие помещения: одна оказалась наглухо закрыта, а вот из второй, приотворённой, виднелась голая спина какого-то мужика исполинского роста, сидевшего на табуретке не по размеру.

– Взаимно. Скажите, разрешение у вас имеется? – Нумерий выпрямился, исправляя осанку, дабы слова его звучали весомее.

– Само собой. – Выбритый продавец указал рукой на боковую стену, где на уровне глаз висела прямоугольная рамка.
– Залог с выкупом или продажа?

– Второе. Выйдет крупная сумма. Вон, даже пришлось раскошелиться на человека, новые правила есть новые.

Кесарий подошёл к разрешению и с умным видом принялся разглядывать документ. Затем вытащил из сумки вышлифованный кусочек стекла с выпуклым дном и заводил им по написанному. Смысла в этом, конечно, было мало. Мелкие строчки, недавняя дата, печать префектуры снизу, подпись чернилами... Прокопийскому резко вспомнилась городская байка о том, что император Юстин не умеет читать и писать. Он подавил глупую ухмылку, но всё равно сбился и отвлёкся.

– Всё в порядке? – забеспокоился из-за заминки богач. Его рука демонстративно завозилась в мешке, который всё

это время держал на весу слуга.

– В полном! – последовал спокойный ответ консультанта.

– Тогда начнём, – атаковал продавца Нумерий.

– Да, – закивал тот, – договор составим после оценки стоимости.

Замученный помощник по щелчку господина стал дрожащими руками опустошать мешок и складывать принесенное на стойку.

– Суповые блюда с позолотой, оригинальные, заказ епископа Эдессы. Вот три перстня, два кулона с позолотой, – пояснял владелец добра. – Вот гребни из, как её, слоновой кости. Вот церемониальная подвеска самого Маркиана.

– Маркиана? – сомкнул губы приёмщик. – Забавно: вещь определённо находится в нашей главной коллекции.

– Кто-то из нас заблуждается. Уверяю, у меня подлинник. Но если вдруг нет, надеюсь на справедливую цену.

Кесарий отстранился и прильнул к окну, затем поднял к лучам своё стеклышко с голубоватым отливом. И этот куsocек, когда-то песок, казался ему в разы красивее звеньев подвески или колец, что стоили с десятков его жалований на основной работе.

Глава 2. Проповедь

Между тем на форуме появился странствующий монах. В его седине, лице с глубокими морщинами проглядывала солидная зрелость. Ничего, кроме аскетичного нательного креста, не выдавало в нём служителя церкви. Облачён он был в лёгкую накидку с креплением в виде параллельных скоб, сшитую из добротной кожи, а также в «варварские» кожаные штаны, ещё не вошедшие в имперскую моду. За плечами у него висела походная котомка на ремнях внушительных размеров. Словом, по столичным меркам выглядел странник необычно.

В непроходном углу, куда до вечерней уборки сгребали конский навоз и прочий мусор, лежали хлипкие ящики, не чета портовым. Сложив из них трибуну прямо у ювелирной лавки, монах забрался наверх и пропел несколько гласных звуков для разминки. Ноги его некоторое время тряслись – конструкция шаталась следом. Оратор поразмыслил, на каком же языке излагать мысли. Выбор пал на греческий: за время пребывания в Константинополе он не услышал ни слова на латыни.

– Братья и сестры во Христе, оглянитесь. Кого вы видите? Покупателей? Продавцов? В первую очередь мы все божьи дети и равны перед Ним, – разнеслось по округе.

Подобное нерядовое событие сразу заинтересовало граж-

дан, многие из которых приходили на рыночную площадь по привычке.

– Закидаем тухлыми яблоками? – за неимением помидоров в этой части света предложил кудрявый мальчишка лет девяти в дырявой рубахе на вырост.

– Делать нечего, – ответил ему его малолетний приятель по шалостям, а затем выхватил с ближайшего прилавка инжир, пока продавец отвлёкся на странного незнакомца, и с хохотом поспешил в закоулок, не разбирая дороги.

Трое выкатились из конторы наружу, щурясь от света.

– Зуб даю, их Борсимес-глиномес поднялся на нечестных делах, – возмущался Нумерий, пересчитывая деньги. – Подумаешь, подвеска-подражание, мало дали.

Кесарий лишь развёл руками и подумал про себя:

«Спасибо, что её вообще выкупили, болван. Видно же – подкрашенный сплав меди. Зачем так ломить...»

– Отметим удачную сделку? – Нумерий протянул Кесарию оплату за оказанную услугу, и тот сразу спрятал её в потайной карман своей любимой наплечной сумы. – Пару медяков пропить не грех.

– Благодарю, но некогда. – Он гадал, какой прок его нанимателю продолжать с ним общение и боялся, что его попытаются втянуть в сомнительные схемы. А ведь деньги, пусть не такие большие, достались легко.

– О, неужели настолько заняты? – Тыканье сменилось лебезящей уважительностью.

Кесарий тут же недобрым словом припомнил Плиния Младшего, что ввёл моду на выканье. А вывести теперь никто не в состоянии.

– Сейчас собираюсь послушать проповедь, – резво сообразил он, заметив собравшуюся вокруг оратора человек тридцать.

Набожным молодой мужчина не был, но искренне верил в высшие силы, хотя ещё в детстве жизненные обстоятельства заставили его усомниться в словах взрослых о милостивом Господе. Если на всё воля божья, то с какой целью тот позволил его родителям умереть молодыми? Именно последние пару недель Кесарий часто задумывался, а где бы он был сейчас, если бы не та трагедия. А ещё не мог отделаться от мысли о существовании для него особого предназначения, пускай и незначительного.

– Понял-принял! – Нумерий бойко откланялся и в сопровождении помощника удалился восвояси.

Уроженец Прокопии молча помахал им и влился в толпу. Проповедник же заметно радовался каждому новому слушателю. Это придавало ему уверенности, делало голос звонче.

– Мы живем по странному календарю, – продолжалась речь. – Только подумайте: первый год нашего летоисчисления – год восшествия на престол Диоклетиана, тирана-самодура. *Нешто* приходилось христианам переживать худшие гонения, чем при нём? Мы запомнили о десятилетиях унижений для тех, кто тогда только начал открыто нести исти-

ну. Их ждали клетки, казни и цепи. Никто до него не обязывал всё население поголовно справлять языческие обряды и делать жертвоприношения. Слава же Константину, *понеже* принял он нашего Спасителя, пусть и в арианской трактовке! В арианской. Я, Дионисий Малисфен, говорю вам: надо принимать горькую правду, ибо ложь плетется дьявольскими силами.

– Календарь? Дионисий? Что-то знакомое, – пробубнил Прокопийский.

Неосознанно его потянуло подойти поближе, и в процессе он случайно наступил пожилой женщине на ногу.

– Простите великодушно, – последовали извинения.

Но не только он желал оказаться у «сцены». Сквозь плотное скопление зевак к подиуму пробивались двое стражей, ответственных за порядок на данном участке. У одного на глазу красовалась повязка. А второй был примечателен густыми волосами, что торчали иглами ежа. У каждого на левом плече красовался повязка из синей ткани.

Хорошим подспорьем для их продвижения вперед стали раздражающие звуки глиняного свистка и размашистые толчки локтями. Завидев расступавшихся людей, Дионисий несколько побледнел, вспотел, но продолжал говорить.

– Еретик, про ариан вещает, – внезапно отрапортовал охранителям порядка слушатель из первых рядов. На него недоумённо вытаращились стоящие рядом.

– Сейчас разберемся, – пробухтел стражник. – Всем

разойтись!

Проповедник умолк. Волшебная аура вдохновляющей речи растворилась в аромате пряностей от ближайшей лавки. Люди с недовольным гудением подчинились. Лишь несколько храбрецов оставались стоять, однако угрозы получить дубиной по спине заставили их задуматься о делах поважнее.

– Спускайтесь! – пригрозил страж и тут же помог – как ему казалось — сойти с ящиков оратору.

Кесарий со стороны увидел грубое стаскивание. Лишённый вспыльчивого нрава и не имеющий горы мышц, он старался избегать конфликтов. Пройди мимо – не получишь неприятностей. Но сейчас в нём забродил нектар справедливости, и он рванул к уводящим монаха от трибуны.

– Чего вам, а? – покосился на него «одноглазый», когда расстояние между ними составило пару шагов.

Прокопийский переборол остатки волнения в груди и произнёс:

- Я присутствовал на проповеди – ничего крамольного!
- Решили погеройствовать? Вы вообще кто?
- Простой секретарь, переписчик.
- Знакомы с ним? – Задержанного слегка тряхнули.
- Заочно, – протянул Кесарий.
- У нас усиленные меры в связи с визитом папы, – объяснил страж с ежовой шевелюрой. – Поэтому нам пришлось...
- Мы были обязаны, – вклинился опытный напарник, – пресечь еретическую пропаганду.

– Уверяю, в его словах не было ничего, что нарушало бы недавний эдикт патриарха. Он просто привёл сведенье из жизни василевса Константина, – заявил Прокопийский.

– Ого, эдикты кто-то читает, – удивился стражник с повязкой и продолжил риторическим вопросом: – Самый умный?

У Дионисия, до того мига смиренного, развязался язык.

– Бога ради, не будем *рагозиться*, – изрёк он с нотками мольбы. – Я сам из посланников понтифика, только на вольных хлебах. У меня и верительная грамота имеется, сию секунду достану.

– Спокойно, сам, – отрезал страж и полез рыться в мешке на подвязках. Оттуда вскоре выудился плотный скатанный лист персикового отлива из телячьей кожи. Его венчала красноватая печать с верёвочками.

Ответственный за порядок на форуме развернул пергамент и, держа его двумя руками, приподнял по направлению к солнечному лимбу. Рассматривался документ долго.

– Ну что там? – не выдержал напарник.

– Чайка на крыше ест инжир и так забавно двигает клювом, – проверяющий пергамент облизнулся. Лишь свирепый взгляд сослуживца вернул его в нужное русло. – Вроде настоящая грамота, всё на латинском. Только странные подтёки в некоторых местах, подозрительно.

– Дождь, всего несколько капель, – оправдывался неместный священник.

– Если вам сложно прочесть латынь, давайте я, – пред-

ложил Кесарий.

– Хватит мешать правосудию! – разозлился одноглазый. – Не отвлекайте, иначе тоже загребём.

– Как долго изволите меня проверять? – расстроено вопрошал оратор.

– Не знаю. Мы только отведём, куда следует. Дальше уже не наши заботы.

Стражники, взяв подозреваемого под руки, без особой спешки направились прочь. Кесарий побрёл за ними, держась на расстоянии семи-десяти шагов.

«Может, с ними можно договориться? – рассуждал поборник справедливости, продолжая преследование. – Незаконно. Да и никогда взятки не брал и не давал».

Идущие на дознание ускорились и поравнялась с обшарпанным проходом между двухъярусными постройками, что связывал площадь с улицей. Прокопийский прибавил шаг, попутно решившись достать деньги. Рука его дрогнула – монетка брякнулась на пыльную землю. Профиль императора, далёкий от реальности в художественном плане, оказался прикопан.

Хотя в глухих стенах не предполагалось смотровых отверстий, и никто не мог видеть неуклюжую сцену, Кесарий пристыдился и судорожно бросился подбирать упавшее платёжное средство. Брови его полезли выше на лоб.

Затем с испуганным выражением он бегом пересёк проход и даже поначалу потерял из виду Малисфена. Секретарь

получил возможность догнать их на перекрёстке. Там путь конвою преградил всадник в синей рубашке с нашивками и лёгком шлеме без наносника, сверкавшем на солнце. На поясе у того висела короткая дубина с железным набалдашником.

– Обыскался вас, лодыри, – негодовал конник. Двигайте в начало улицы – там дети разворотили пару лавок.

– Прямо сейчас? – поинтересовался страж с повязкой.

– Нет, вечером! Велите всё прибрать, чтобы вид нормальный был. У нас же «Пальмовая ветвь». Будете плохо выполнять обязанности, отправлю на ночные дежурства во Влахерны!

– Вопрос: а раскольника-арианина *куда* девать? – спросил неопытный блюститель порядка.

– Серьёзное преступление? Кража? – задал встречный вопрос всадник. Дионисий отрицательно мотал головой.

– Проповедовал. Очевидец твердил, мол ничего еретического не слышал. Но мы хотели отдать на допрос, – ответил вместо напарника одноглазый.

– Да оставьте старика и марш на задание! – Верховой стеганул коня и поскакал дальше.

Стражники отпустили Дионисия и, ничего ему не говоря, побрели в направлении, противоположном тому, куда ускорился верховой.

– «Пальмовая ветвь»? – спросил одноглазого товарищ.

– Эх, ты! Так посты сообщают, как едет кто-то важный.

– Автократор?

– Кто знает...

Кесарий подбежал к монаху:

– Легко отделались.

– Чудо, не иначе! – ответил Малисфен.

– Да, спасение богом из машины, – привел аналогию на развязки многих эллинских постановок секретарь.

– Что, извините? – монах не расслышал ничего, кроме упоминания Господа.

– Говорю, Бог помог, – Пришлось скрыть исходную мысль.

– Ааа.

Торговец провёл рядом с ними двухколёсную повозку с хлебом, накрытым полупрозрачной тканью.

«Запах прямо божественный!» – Затанцевали ноздри переписчика. – Вы не голодны, Дионисий?

Глава 3. Племянник

Первые христиане проводили богослужения втайне, опасаясь гнева языческих властей. Их группы скрывались от посторонних глаз, находя пристанища под сводами пещер. Позже, в свободные от гонений времена, в отдалённые места стали уходить отшельники, верившие, что только так можно обрести спасение.

Самым известным монахом-отшельником считался святой Антоний из Александрии, изображаемый с посохом и колокольчиком да в компании дикой свиньи. Если начистоту, по его мнению, любой священник должен был отринуть мирское. Красноречие сделало Антония знаменитым не только в Африке, но и во всей Ойкумене. В своих выступлениях он призывал публику уподобляться Иисусу, что странствовал по пустыне и лишь там преодолел искушение. Однажды святой сгинул в египетских песках. Но идеи его жили.

Пахомий из Фив-на-Ниле, бывший жрец эллинистического культа, основал на ничейном участке первое монашеское общежитие – *киновий*, в который принимали всех желающих мужского пола. Труд жителей киновия объявлялся безвозмездным, а имущество, кроме личных вещей, – общим. Монахи занимались натуральным хозяйством, обеспечивая свои нужды.

Устав Пахомия взял на вооружение Василий из Кесарии

Каппадокийской, а затем и иные настоятели. Постепенно основанные в нескольких римских милях от городских центров, монастыри оказывались в предместьях или внутри ворот и принимали надзор за нищими, калеками и сиротами.

Несколько отшельнических учреждений находились и в окрестностях Константинополя. В отличие от монументальной Студийской обители на берегу Мраморного моря, двухэтажное здание в Пигах выглядело неказисто. Похожее на хлев, с плосковатой крышей из бордовой черепицы, с высеченными в стенах проёмами в форме круглых крестов, оно не вызывало трепета или восхищения и неизбежно терялось среди буйной зелени. Из щелей в кладке то и дело выглядывали травинки. Пускай с опушки, где оно стояло, до города рукой подать, но крепостные стены закрывали от обзора кроны впечатляющих размеров. Вокруг шелестела, не выдавая себя, живность. То ли белка постоянно шмыгала с ветки на ветку, то ли птичья мелкотня судорожно пряталась от двуногих гигантов.

На коновязи у просеки отдыхали десятки лошадей: вход в Пигийский монастырь буквально облепили члены свиты из столицы. Во дворике рядом, на площадке, устланной принесенными невесть откуда продолговатыми камнями, несла караул дюжина из личной гвардии императора. Все гвардейцы хорошо сложены, плечисты, высоки. Но среди них по всем параметрам выделялся один. Звали его Маркел. Ростом он был где-то между простой *оргийей* и царской саженью, то

есть намного выше среднерослого мужчины из любого народа империи. Шрам на его щеке напоминал высохшее русло реки, а массивные надбровные дуги походили на опоры моста.

И этот здоровяк, нервный из-за груза ответственности, почувствовал, как его легонько толкают в плечо, и с неохотой слегка повернул голову.

– Нам позволят зачерпнуть из родника? – спросили у Маркела полушёпотом.

– Не знаю, новичок.

– Слыхали, в честь Велизария сегодня праздник! – хмыкнул смуглолицый киприот Кирилл, что замыкал строй.

– Всегда удивлялся его везению, – недовольно пробасил другой воин, родом из Анатолии.

– Агась, повезло: женили на блуднице, посылают в Армению, в самое пекло. Точно хочешь такой жизни, Дамасик? – вопрошал киприот.

– Заткнитесь! – вполголоса и со сдержанной злобой выцедил Маркел. Мало того, он не справлялся с дисциплиной. Так ему показалось, что стоящий поодаль племянник василевса в расшитом аксамитовом одеянии со вставками запретного пурпурного цвета на секунду взглянул на дворцовую *схолы*.

Юстиниан, сын старшей сестры императора Вигиллы и Савватия Тавресийского, совершенно не выглядел на свои четыре десятка лет. Несмотря на некую общую грубоватость

черт лица, в нём проглядывалось что-то женоподобное и даже детское, особенно в линиях губ и подбородка. Широкие глаза и высоко вздёрнутые брови придавали ему задумчивость.

Он находился у огорода, где монахи выращивали целебные травы, и настукивал мелодию, ударяя кулаком о деревянную ограду. Под ней волочилась по своему тракту улитка. Юстиниан глядел на неё пару минут, а затем схватил двумя пальцами и перенёс дальше. Зевнув, он побрёл к гвардейцам. Когда макушка его оказалась под старым дубом, порыв ветра сорвал несколько жирных желудей, что незамедлительно приземлились на тёмно-русые волосы.

Маркел услышал вскрик Юстиниана и поспешил к нему, как того требовали предписания, наказав соратникам оставаться на месте.

– Ваше благородие, что с вами? – выпалил гвардеец, оказавшись перед господином.

– Ничего страшного! – Раздосадованный вниманием к себе Юстиниан стряхнул оставшуюся на рукавах требуху размашистыми движениями. – Попроси подготовить лошадей – скоро поедem. Чувствую, не дожусь.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Дверь монастыря отворилась, обступившие её зашевелились.

– Наконец-то, – прогудел племянник императора. – Так, Маркел, приказ в силе. Выдвинемся чуточку позже.

На пороге Пигийской обители появился полноватый мужчина в аскетичной хламиде, что контрастировала с богатой диадемой на его голове, украшенной жемчужными вставками. Вышедший из покоев отдал слугам продолговатый свиток и с чужой помощью принялся преодолевать ступени. В начале консульского года ему стукнуло шестьдесят шесть, и суставы его то и дело ныли.

Император принял меха от своего водоноса.

– Дальше справлюсь сам! – булькая, забормотал он, посылая прочь тех, кто помог ему спуститься. Затем василевс поймал на себе пристальный взгляд родственника и побрёл под дуб, миновав вытянувшихся гвардейцев. Лицо его покраснело от зноя после прохладного помещения.

– Время тянулось мучительно долго, дядя, – поделился наблюдениями Юстиниан, когда императора приняла полуденная тень в форме львиной гривы, манящая своим безвозмездным покровительством. – Надеюсь, беседа оказалась интереснее отчёта Сотерика намедни.

– Папа Иоанн интересный собеседник, – Юстина внезапно одолела отдышка. Справившись с ней, он продолжил, поднимая голову на исполинские ветви векового дерева: – Ты хоть вдоволь подышал, а то бледный и из дворца не вылезает.

– А мне незачем вылезать. Это тебе подавай лечебные источники, – произнёс августейший племянник и сгустил тон: – Неважный у тебя вид.

– Душновато тут, я бы вернулся, – выговорил василевс

Юстин. Он до сих пор ощущал запах сырости, пропитавший монастырь.

– Ты хоть не заразился от него?

– Пётр, – Юстин назвал сына сестры данным тому при рождении именем, и племянник сразу насупился, – ты же слышал, его хворь не заразна.

– Если лекари квестора Прокла не ошиблись.

– Знаешь, бедняга даже сидит с трудом. Скоро оклемается – тогда примем у себя.

– Немудрено подхватить заразу, раз отказываешься от удобств, – ехидно заметил Юстиниан.

Он рассуждал так: понтифик спокойно мог погрузиться в корабль в Риме и по водам Тирренского, Средиземного, Эгейского и Мраморного морей добраться до Константинопольской гавани, а не рисковать жизнью, делая крюк по суше. Его несколько беспокоила непредсказуемость Иоанна. Ещё его одолевала обида из-за того, что он не стал третьим лицом в переговорах.

– Тут соглашусь, – рассудил василевс. – Им пришлось от бандитов отбиваться в Иллирии, представляешь?

Из глубины леса донеслись прерывистые оклики кукушки.

– Что за свиток ты отдал? – Мужчина помоложе вертелшей, пытаясь высмотреть издающую звуки птицу. – Надеюсь, там не список варварских имён в алфавитном порядке.

Юстин сделался серьёзным:

– Обращение остготского рекса! Если в двух словах, Теодорих послал папу просить за служителей-ариан.

– Вернуть сан еретикам? Позволить проповедовать? – Пётр Савватий додумал в правильном русле. – Ты и так пошёл на немыслимые уступки!

– Ради мира, – несколько смутился император, осознав, что его ответ больше походит на оправдание. – Иоанн признался: рекс чаще впадает в ярость. Помнишь слухи о заточении Боэция? Теодорих казнил его. Якобы за измену.

– Жаль. Боэцию раньше удавалось держать в узде маразматика, – посетовал Юстиниан и добавил: – Флора расстроится, всё-таки любимый поэт.

– Кстати, о ней. – Юстин потёр височные впадины большими пальцами, попутно закатывая глаза. – Не передумал? Честно говоря, я скептически настроен.

– Не так сильно, как тётя. Вы всё твердите про её безродность, только не женат ли мой дядя на бывшей рабыне?

– Справедливое замечание, Пётр. – Увесистые капли пота стекали на опухшие веки василевса.

– Раз так важен престиж, то можно объявить её дочерью сенатора. Разве проблема? Но я ни за что не стану выпрашивать благословение!

– Мы с Ефимией любим тебя...

– Знаю. Ладно, полно трёпа, мне пора.

– Куда? – удивился император.

– Как же: на клятву букелариев.

– Ааа, память подводит.

– Маркела забираю. Это хоть помнишь?

– Не мало одного телохранителя?

– Так со мной ещё пять слуг.

Через несколько минут слуга-конюший уже помогал Юстиниану взобраться на серогривую лошадь. Семеро всадников, поднимая пыль на просёлочной дороге, ускакали в сторону столицы.

Глава 4. Холм Нового Рима

Кесарий с аппетитом проглотил ломтик купленного хлеба. Дионисий же откусывал понемногу и жевал неспешно. Они вдвоём прогулочным шагом направлялись вверх по дороге. Жара, немного смягчаемая бризом, мешала взбираться.

– Истинно, цены и правда столичные, – размышлял монах.
– А вот та монетка с буквой «Е» – это сколько?

– Восьмая часть фоллиса. Если в фоллисе сорок нуммиев, то... – Секретарь запутался в простом делении.

– Пять! Ах, не ведаю, как вас отблагодарить. Мне и отплатить нечем.

– А я ничего от вас и не жду. – Прокопийский смущённо улыбнулся, еле-еле растягивая уголки губ. – Расскажите лучше о сути прений с арианами.

– Признаться, нерядовая просьба.

– Да у нас в канцелярии все с ума посходили с патриаршим эдиктом. Спорили, спорили. Я вот предпочитаю не вступать в полемику, если не уверен в своих знаниях.

Кесарий считал себя невеждой в вопросах разницы вероисповеданий. Единственное, что он знал, так это историю противостояния императора Валента со святым Василием из Кесарии Каппадокийской. По понятным причинам, этот священник запомнился ему больше остальных.

Малисфен закинул в рот последние крошки, сделал глу-

бокий вдох и зататорил:

– Нетерпимость к признанным ересям – притча во языцех. Но ереси, по большому счёту, – иные взгляды в теологическом споре. Ариане отстаивают догмат о разных сущностях Творца и Сына. Причём, Сын у них сотворён Отцом, посему никак ему не равен. Отсюда вытекает, ни о какой Троице не может идти речи. После собора, Никейского, книги Ария, конечно, предали огню, но учение только стало расходиться. Кажется, всё.

– Благодарю за пояснение.

Вскоре они достигли вершины холма, называемого Пятым. Далее предстояло спускаться.

– Удивляет, сколько в вашем Новом Риме церквей! – Внимание посланника папы Иоанна привлекли купола и кресты на крышах среди плотной прибрежной застройки.

– За два века в Византии успели понаоткрывать, – ответил Кесарий, используя привычное для него название города. – Думал, в Риме тоже на каждом шагу.

– Напротив, в нашем граде церквей точно меньше. Но они вельми просторны.

Путешественнику с трудом удалось умолчать о симпатиях к колоннам, портику и чудной ротонде Пантеона, величественного языческого храма в Вечном городе. Возможно, скоро Пантеон освятят и приспособят для богослужений. Блаженный лик Дионисия во время этих размышлений подошёл бы для любой фрески.

– Мне посчастливилось пожить в Риме не так много, всего пару лет, – продолжил он.

– Откуда вы родом? – поинтересовался Прокопийский.

– Из небольшой деревушки. Сотня стадий от Гостеприимного моря. Малая Скифская земля.

– Ого! Про Скифию давно ходят всякие небылицы. Например, про селян с пёсыми головами, – весело произнёс Кесарий.

Ему было известно: нынешние греко-римские авторы по привычке предшественников называли Скифией любые земли к востоку от Германии и к северу от реки Истр. Причём, большинство упоминавших Скифию в глаза не видели те земли и населявшие их племена – только чужие свидетельства.

– Поверьте, никаких собачьих глав. Разве что больше варваров, – отшутился Дионисий, но затем построжел и направил указательный палец к редким облакам. – Бог всё же не делит нас на варваров и неварваров!

– Говорят, в нашей армии сплошные варвары, – вставил вдогонку Кесарий. – Кстати, я не соврал стражам: имя ваше мне знакомо. Даже читал ваше... Вот хотел спросить, многие ли поддерживают идею с вашим календарём?

– С моим? – Не захотел умалять заслуги соратников уроженец Малой Скифии. – Помилуйте, над ним работали ещё два вычислителя пасхалий... Мы втроем установили год рождения Христа. По нашим подсчётам, сейчас 526 год от

того великого события. Повторюсь: жить в 242 году от начала правления Диоклетиана – кошунственно.

Кесарий вспомнил отпечатавшийся в памяти отрывок из недавно переписанного им анонимного сочинения с художественными вставками: «Константин принял судьбоносное для всей империи крещение в конце жизни. В год воцарения Диоклетиана он ещё резвился со сверстниками».

Ему вдруг захотелось вернуться к себе и продолжить работу над собственным историческим трудом. Он состоял из собранных воедино кусочков доступных хроник. И уже несколько раз переделывалось.

Секретарь вдруг остановился на пригорке.

– Видите вон тот маяк? – указал он на величественный Фанарион, который невозможно было не заметить зрячему. – Вам до него, потом через Влахерны. Сразу за стенами будет Космидион.

Монастырь Космы и Дамиана, кратко называемый Космидионом, предоставлял странникам дармовой приют.

Малисфен двумя вытянутыми пальцами изобразил в воздухе крестное знамение, а затем снял со спины котомку. Порывшись в ней, он вытащил плотно исписанный лист размером с крупную ладонь с латинским заголовком «De fide catholica», что значило «О вере всецелой».

– Возможно, заинтересуетесь после нашего разговора. Противень с оригинала Боэция. Толковый был человек, мир ему. Там хоть и мелко, но взлезла только часть главы.

– Что ж, прощайте, Дионисий. Удачно взывать к пастве на рынках!

– Благодарствую. Храни Господь вас и ваших близких!

Посланник понтифика ушёл, а Кесарий ещё долго стоял на месте, смотря на безмятежную гладь залива, маяк и просторы на другом берегу. Он прокручивая сказанные ему слова и постепенно его обуяло чувство, совсем противоположное спокойствию.

«Близкие? Живых родственников не осталось. Друзья? А можно ли Исидора с работы назвать другом? Нельзя. Остальные со службы? Знаю только их имена. Они моё – вряд ли. Про любовь и говорить нечего: никого на примете нет, да и жених незавидный».

Спустившись с холма у цистерн, городского водохранилища, Прокопийский пытался подавить дурномыслие, предвкушая плодотворный вечер. Но, оказавшись на узкой улочке, он вдруг остановился, сжал кулаки и топнул, что есть силы: черновик его труда остался на работе, а канцелярия сегодня закрыта.

– Замечательно, планы полетели к чертям!

Уставшее тело требовало сесть на иссушенную траву – пришлось поддаться. Под ногами, меж мелких камешков, забликовал фоллис.

Кесарий рассмотрел монету с буквой «М»: одну сторону пытались сточить стамеской или чем-то подобным.

В груди заклокотало странное желание, какое возникает в

моменты опустошения.

— Видит бог, не собирался на этой неделе пить. Да что там, в этом месяце.

**

Таверна «Нектар» ни снаружи, ни изнутри не навевала ассоциаций с Олимпом. В её серости, вони и неосвещённости было что-то от Тартара. Протискиваясь между выпивохами за круглыми столами, Кесарий ощущал себя хилым белошкурным козлом среди чёрношёрстного стада на просторах Галаты за Золотым Рогом. Правда, оказалось, от других посетителей заведения отличался не он один. У самой стойки трактирщика в одиночестве сидел молодой опрятный брюнет. Строгий бежевый хитон по фигуре, без украшений, с нашивками, явно казённый — такие носят государственные служащие.

Прокопийский занял треногу рядом с ним, поскольку других свободных не осталось, и заказал ячменное пиво. Судя по запаху, сосед наслаждался вином. Рядом с деревянной кружкой, объёмом в *котилу*, в какие тут наливали всё без разбору, лежали ржаные корки.

Новый посетитель дождался, пока ему нальют выпивки, сам забрал кружку, не утруждая хозяина, и аккуратно поставил её перед собой. Но вместо того, чтобы сделать глоток, он вытащил из своей сумы лист от Дионисия и принялся читать, напрягая очи.

— Впервые вижу любовь к чтению в таких местах, — спустя

пару минут изрёк брюнет. – Что пишут?

Увлечённый Кесарий не колебался и вывалил всё начистоту, понадеявшись, что вопрос не дежурный:

– Сказано, человек сотворён со свободой выбора. Людская природа, по задумке, равноангельская, вот такое слово. Но её развратил грех гордыни. Только автор хочет вернуться к тем идеалам через смирение.

– Занятно, но немного сумбурно, – ответил незнакомец на краткий пересказ начала пятой главы прозаических рассуждений поэта Боэция. – Смирению нас учит сама жизнь. Тут давеча один болтун твердил: «Наши желания всегда создают возможности». Абсурд, полагаю. Бороться с обстоятельствами надо. Но не все препоны преодолимы. Если бы сбывались желания каждого, то где бы мы оказались? В ещё более ужасном мире.

Трактирщик громко хмыкнул.

– Частично согласен, – произнёс озадаченный Прокопийский, взявшись за ручку кружки. – Вот как на каждое событие может быть воля божья, ежели наш род людской обладает волей собственной?!

– А тут как посмотреть. Сколько ни брал в руки писание, не видел, чтобы господь управлял. Только направлял.

Слушающий всё это из-за стойки теперь охнул.

– Эй, ещё добавить, Патрикей? – сипло сказал он, примитив сухое дно у кружки посетителя.

– Будь добр! – брюнет поднялся, а потом протянул трак-

тирщику монету. Кесарий не разглядел номинал. – Тут с учётом долга.

– Ну и криворучки чеканят, – заворчал владелец «Нектара», разглядывая силуэт в венце, венчавший металл. – Ни капельки не похож!

Патрикей удивился:

– Про кого толкуешь?

– Про милостивого господина Юстиниана. Вот, на аверсе. Или реверсе. Ну, не важно. Редкий выпуск в честь его консульства. Когда ещё у нас изображали не автократора?! А ведь я с ним пересекался.

– Вживую видел? Много раз? – недоверчиво скрестил руки на груди Патрикей.

– А кто считал? – изрёк трактирщик и продолжил чуть тише: – Клянусь, любил ко мне захаживать лет десять назад.

Кесарий постарался прикинуть: Юстин на данный момент правит восьмой или девятый год. А до того, кажется, заведовал стражей во дворце. Мог ли его племянник тогда посещать такие места? Мог.

– За винищем придётся переться в подвал, – завертелся кабатчик, пятясь в подсобку.

Патрикей вернулся на место и спросил:

– Ну как, не стошнило?

– В смысле?

– Шучу так. Многие жалуются на это пиво.

– Да я ещё не успел отхлебнуть.

– Ааа, растягиваете предвкушение, понимаю. Слыхали, как наш прохиндей приврал? В такую дыру по молодости вряд ли бы префект или, скажем, Трибониан в подпитии заглядывали.

– Трибониан? – уточнил Прокопийский. Про Юстиниана он не раз слышал.

– Юрист, довольно знаменитый.

– Предположу, вы тоже юрист – что-то деловое есть в вас. Или занимаете мелкую должность, – поделился впечатлениями Кесарий. – Выговор у вас сугубо иллирийский, ни с чем не спутаешь. А имя ваше уже выдали.

– Похвально! Но опровергать или подтверждать ничего не буду.

– Вся подноготная в вине, – в вольном виде привёл латинскую поговорку на греческом Прокопийский.

– Сколько меня ни пои, ничего не разболтаю, – горделиво парировал Патрикей и резко поднялся. – Жарковато тут, не правда ли? Мозги плавятся. Знаете, позволю вам допить моё вино. И напоследок: вы ведь из Греции, верно?

– Можно и так сказать. – Прокопийский наконец вкусил горького ячменного пойла.

Глава 5. Услуга

Комната с низким потолком казалась куда меньше действительного из-за длинных стеллажей, которые были забиты скрученными пергаментами. Кесарий сидел спиной к свету и вдумчиво переписывал свиток. Но всякий настрой на выполнение рутины сбил уже знакомый крик – толстые на первый взгляд стены плохо задерживали звуки. Вскоре в комнату вплыл Исидор, тощий и рыжеволосый коллега-переписчик Прокопийского, с которым они в этом помещении трудились вдвоём. Исидор недовольно сопел.

– Что случилось? – Кесарий оторвал глаза от бумаги.

– Да в том и дело... Как раз домывал окна в прихожей, смотрю – снова припёрся этот всезнайка Марцелин. Ну, говорю: «Подождите», а сам полетел докладывать. И оказался виноват.

– Амидский как всегда, – посочувствовал Кесарий. Нрав начальника совершенно ему не нравился. Впрочем, это обычное дело для подчинённых в иерархических отношениях.

– Тогда подкараулю, вдруг шанса не подвернётся. Как говорит пословица, лови момент.

– Опять эти твои пословицы! Кому они нужны? Звучишь как зануда.

– Не страшно. Слушай, ты сейчас сможешь подсобить...

– Погоди, Кес. Я сказал «домывал», а не «домыл». Мне ещё у других драить.

Исидор убежал. Кесарий же отложил стилос в сторону, раскрыл дверь нараспашку для засады, затем подошёл к стеллажу, раздвинул книги и нащупал за одной из кип припрятанный рукописный труд.

**

Ефрем из Амиды, глава канцелярии, судорожно заёрзал в кресле, пытаясь создать видимость, что занят работой. Но толком не успел: как только отворили дверь его кабинета, он ненароком схватил с тарелки перед собой обглоданную куриную ножку.

Внутрь вошёл низкорослый и сухощавый дедушка. Седые волнистые волосы обвивали его высокий открытый лоб с трёх сторон. Заросли на висках плавно перетекали в густую бороду.

– Приветствую, квестор! – изрёк он.

– Присаживайтесь, – хозяин кабинета указал на кушетку, а затем буркнул: – Срочное дело?

Усевшийся гость поднял голову и принялся разглядывать лепнину с меандром. Воспользовавшись этим обстоятельством, Амидский моментально опустил обглодыш на тарелку.

– Если начистоту, то хотел бы знать, сколько префект потратил на последние празднования. Мне для хроники.

– Не могу помочь.

– Почему же, милостивый квестор?

– Я не обязан пояснять! – Глава канцелярии принялся фыркать, с трудом сдерживаясь от того, чтобы выкрикнуть какое-нибудь оскорбление.

– Зря вы прикрываете приятеля, – по-доброму произнес библиотekarь. Его глубоко посаженные глаза сияли хитринкой. – Полагаю, к своим хотелкам он не настолько скуп, как к нуждам города. Не зря горожане поминают его исключительно бранью.

Чиновник сильнее обозлился:

– Мне дела нет до домыслов граждан, как и до ваших! Ступайте подобру-поздорову.

Библиотekarь поднялся с места и поклонился, приговаривая:

– Приношу извинения за беспокойство.

Далее Марцелин покинул кабинет и, здороваясь с каждым служащим, кого видел в коридоре, вышел на крыльцо. Прокопийский шмыгнул за ним.

– Скверный ослина! – выругался библиотekarь, отойдя от портика.

– Достопочтенный Амиан Марцелин... – по-деловому начал переписчик канцелярии.

Амиан повернулся:

– Неужто ваш господин передумал? Не верю!

– Я не от него. Меня зовут Кесарий.

– Кесарий? Почти Цезарь. Приятно познакомиться.

– Мне тоже. Знаете, вы для меня авторитет, – слегка сумбурно разглагольствовал секретарь. – Я прочитал все ваши работы. Мне очень понравилось. Помните, вы приносили к нам кусок пергамента и хотели новую копию? Примерно месяц назад.

– Смутно. О чём речь в тексте шла?

– Об императоре Зеноне из Исаврии. Мало, но метко. Начальник велел уничтожить лист, но я сохранил. Вашу работу взял за эталон. – Он немного приподнял свой сверток дрожащими руками. – Пытаюсь писать.

Старик выглядел слегка озадаченным.

– Желаете, чтобы прочитал?

– Да. Я заплачу вам. Могу ещё подарить новую работу Боэция, противень с оригинала.

– Я похож на того, кого интересуют деньги? Так плохо выгляжу? – улыбнулся Марцелин. – Боэция, к слову, не слишком жалую.

– Значит, отказываетесь?

– Нет уж. Но услуга за услугу. – Ладонью Марцелин призывал Кесария наклониться и прошептал под ухо: – Меня интересуют сведения. Ваш квестор скрывает смету Каппадокийского, префекта. Украшения, цветы на улицах, заработок на скачках. Непомерные траты и прибыль вплоть до нуммия. Всё это пойдёт в отчёт, но мимо меня. Что же, бедному историку – выдумывать?!

– Необычное предложение.

– Даже дерзкое, – поддержал его Амиан. – Не имел умысла сконфузить, милостивый писарь. Сразу откажетесь?

– Я согласен!

Историк снова повторил трюк с шёпотом:

– Тогда буду ждать список трат Каппадокийского ровно через... две недели. Пойдёт? – Последовало утвердительное мотание головой. – Ближе к полудню пришлю сюда своего посыльного. Отправителем будет значится неизвестный, получателем – Кирилл из Карики, не спрашивайте, почему. Из записки узнаете место и дату нашей встречи. Если всё устроит, то велите ему передать всё обратно. Иначе предложите ваш вариант. Всё ещё готовы рискнуть?

«Вот это план! Была не была, попробую», – поразмыслил Кесарий и закивал, как послушный пёс.

Марцелин по-ребячьи рассмеялся и с задором похлопал молодого мужчину по плечу.

– Мне пора, – сказал он, забирая свиток.

Возвращаясь на своё место, Прокопийский ликовал, но вскоре испытал странное чувство разочарования и даже сожаления. Услуга теперь казалась невыполнимой. Также подумалось, что библиотекарь может шпионить на персов. С другой стороны, зачем персу знать, сколько солидов, аргентариев и фоллисов потратили на колесничих или закупку тех же цветов?

– Квестор зовёт, – через приоткрытую дверь окликнул Кесария смуглый коллега, нёсший подставку для свитков.

Прокопийский вошёл к начальнику и застал того в привычном для неудачных дней настроении.

– Мне нашептали, ты отлучался. Отлыниваешь?

– Плохо стало от духоты.

– Библиотекаря не видел? Любит тереться у окон.

– Видел, – не отнекивался секретарь. – Не от мира сего, нёс бессвязную кашу про Боэция и Трибониана.

– О, точно – Трибониан, – хлопнул в ладоши Амидский. Он внимательно окинул захламлённый стол взглядом, но не нашёл нужной вещи и прекратил поиски. – Так, уйду пораньше. Придёшь сюда вечером и рассортируешь дела – заслужил дополнительную работу.

– Как скажете! – Оставалось гадать, не благоволение ли это господа.

– Слушай, это не наказание за то, что ты отлучался: мне ваши обмороки не нужны, не делайте зверя из меня. Причина иная: на той неделе ты сидел и калякал для себя в рабочее время. Обещал наказать? Обещал. Не забыл.

– Это не отражалось на выполнении задач. Я всё успевал. Бумагу сам... – пытался оправдаться Прокопийский.

– Мне всё равно! Давай пойдём к тебе, и если найду писанину, то выкину её к чертям! – повысил голос начальник.

Кесарий спокойно выдохнул. Во-первых, Ефрем не из тех, кто сдвинется с места ради такой мелочи. Во-вторых, рукопись уже у Марцелина, и если тот не обронил её, то всё замечательно.

– Мотай на ус: пока я тут главный, ты будешь заниматься делом, иначе вылетишь. Свободен!

Отруганный переписчик поспешил удалиться.

– Погоди, тарелку на мойку захвати.

**

Спустя шесть часов Исидор без стука отворил дверь главного кабинета канцелярии и внёс ушат с водой, держа в руках вехоть из старой пенулы. Он застал Кесария переписывающим что-то на отдельный лист и спросил:

– Чего так долго?

– Слишком сложное поручение, – сказал полуправду секретарь. – Придётся мне закрывать. Ключ завтра утром принесу. Договорились? Вроде не подводил ни разу.

– Идёт, – Исидор зевнул, опуская в ушат тряпку. Потом он сел и заводил ею по полу.

– А швабра?

– В нашей, лень переться. Вот скажи, у нас тринадцать лбов, а мыть почему-то в основном мне...

– У тебя замечательно получается. Прикажут другому – сделает хуже. Даже отсюда вижу, как стараешься.

– Убедительно.

У Кесария же промелькнула мысль, что можно уволиться и попробовать наняться уборщиком в дворцовую библиотеку: протираешь полки и читаешь редкие книги. Правда, идея тут же показалась совершенно глупой.

– Кес, ты как влитой. Не хотел бы занять место квестора,

большим начальником стать?

– Нет. Да и разве Амидский большой начальник? – выразил сомнение Кесарий. – Для нас – само собой. Но над ним префект, а выше – двор, советники. В истории бывали случаи, когда даже императоры выполняли волю других.

– Может и бывали. – Исидор почесал макушку запястьем.

Глава 6. Тряска

Едва ли для прогулок есть лучший момент, чем день весенней погожей поры, солнечный, но не жаркий, наполненный благоуханием распустившейся зелени. Юстиниан планировал перед обедом прогуляться у воды в компании своей возлюбленной, но гонцы принесли во дворец вести, спутав все планы.

Теперь он сидел за полукруглым столом стоявшем прямо над разноцветной мозаикой в центре небольшого дворцового зала. Евнух армянских кровей Нарсес, до недавнего времени ведавший императорскими покоем в должности *препозита священной опочивальни*, что-то говорил ему вполголоса.

Если не считать комнатных слуг и Маркела, в зале находились ещё человек десять из свиты – новый препозит, квесторы, а также патриарх Епифаний с епископами. Они занимали место на треногах поодаль, будто зрители камерного спектакля, и пытались прочесть слова евнуха по губам.

В дверь с четырьмя резными выемками и выпуклой капителью постучали. Маркел распахнул её вместо привратника. Внутри медленно ступил, помогая себе клюкой, василевс Юстин. Следом за ним вошёл квестор Прокл, низкий и горбатый мужчина лет шестидесяти.

Присутствующие приподнялись с мест и почтительно

склонили головы.

– Обойдёмся без церемониала. – Юстин махнул свободной ладонью.

После сигнала императора, слуги тотчас поднесли прямо к нему треногу с мягкой спинкой прямо, дабы тот не утруждал себя в передвижениях. Император сел, а Квестор занял свободное место в первом ряду.

Нарсес посмотрел на Юстиниана. Получив одобрительный кивок, он стал говорить:

– Как вы все уже слышали, в Антиохии случился катаклизм: город полностью разрушен, губернатор и патриарх мертвы.

– Также тысячи людей, – добавил квестор Прокл.

– Уверен, выжившие страдают от неразберихи и мародёров, – взял слово Юстиниан. – Мы как можно скорее пошлём туда человека с отрядом и провизией.

– Согласен, – утвердительно изрёк Юстин.

На его красноватом лице зияли мешки. Дышал он часто, жадно глотая воздух носом. В потухших глазах читалась грусть: невольно вспомнилось, как во времена его детства загудела земля, отчий дом поразили трещины, и здание рассыпалось из-за всемогущего буйства стихии.

– Земле-трясе-ние, – промолвил василевс и затих.

Какое-то время собравшиеся просто сидели в тишине, не смея прерывать забытие.

– Дядя! – не выдержав, повысил голос племянник.

– А, задумался. Продолжайте.

– Так вот, наш посланник должен возглавить местную церковную и гражданскую власть, – отчеканил Юстиниан.

– В одних руках? – изумился Прокл.

– Не вижу никаких проблем, – ответил августейший племянник. – Но вот предложенные вами кандидатуры совершенно не подходят.

– Почему же? – спросил квестор.

– Прочитайте! – Нарсес сделал несколько шагов и протянул квестору свиток, до этого лежавший пред Юстинианом. Прокл с серьезным видом взял его в руки, повертел и, вчитавшись заморгал, словно в глаза попала соринка. Документ состоял списка – из имени и краткого комментария вроде «притворно перешёл из арианства», «справлял языческие праздники», «участник культа Митры».

По мере того, как список подходил к концу, в зале поднимался гам, странный для такого малого количества мужей.

– Спокойно! – попытался уговорить голоса Юстиниан.

– Можем ли мы доверять столь смелым догадкам? – громко вопрошал Филоксен Сотерик, сидевший недалеко от Прокла.

– Это не догадки! – парировал Юстиниан.

– Целесообразность назначения этих лиц из-за потери доверия близка к нулевой, – витиевато пояснил Нарсес. Впрочем, каждое его слово всегда звучало уверенно.

– Антиохия-на-Оронте – сердце востока. В тех краях

ересь всегда сильна, – подхватил Юстиниан. – Нельзя посылать кого-попало и тем самым сдавать еретикам город.

– Полностью согласен, – поддержал патриарх.

Племянник императора продолжил:

– Предлагаю оказать честь Ефрему из Амиды, главе канцелярии. Это благочестивый христианин и отличный исполнитель. Префект города высоко оценивает его работоспособность. Распоряжусь послать уведомление как можно скорее.

– Что же, не вижу ничего плохого. К слову, кому отдадим канцелярию? – Слуги вытерли потный затылок императора.

Юстиниан и Нарсес переглянулись.

– Квестору Проклу, – последовал ответ евнуха. – Назначение оформим в течение дня. Ежели у кого есть возражения – высказывайте.

Последовала триумфальная тишина. Сам Прокл лишь пожал плечами.

Через несколько минут присутствующие принялись покидать помещение. Выйдя в коридор, они почувствовали себя свободнее, словно переставая играть роли, и вальяжно зашагали в разные стороны. Василевс Юстин попросил слуг и даже Маркела выйти. Дождавшись, пока в комнате останутся лишь евнух и его племянник, он воодушевлённо сказал последнему:

– Мать с отцом гордились бы тобой, Пётр!

– Дядя, ты обещал... – занервничал Юстиниан.

– Прости, всё время вылетает из головы, – ответил импе-

ратор и, опершись на трость привстал. – Что же, дела на тебе. Отбуду как можно скорее.

Юстину доложили о целебных свойствах недавно найденной пещеры во Фракии, и он не стал отказываться от возможности побороться с наступающей немощью.

– Можешь не спешить с возвращением, я справлюсь. Объедь все монастыри, как и хотел, – дал напутствие дяде Пётр Савватий.

Юстин улыбнулся, но совсем мимолётно:

– Кстати, Ефимия мне всё лысину проела. Считает, ты её избегаешь. Только это по секрету.

Юстиниан насупился:

– Сам знаешь, некогда.

– Зайди сегодня. Тебе всего лишь спуститься! – бросил император и поплёлся в свои покои.

В зале остались двое.

– Ваше сиятельство, напоминаю: через час встреча с архитекторами, – заговорил Нарсес. – Завтра, до полудня, обсуждение нового календаря.

– Помню, – сухо ответил Юстиниан. Он взял в руки свинцовую печать с крестом, до того момента лежавшую на краю стола. – Что происходит за границей?

– О франках и вестготах ничего нового не слышно. Из Африки вестей нет. Зато есть из Италии: папа вернулся к остготам и, как толкуют, попал в опалу – не смог договориться с вашим дядей и поплатился.

– Амаласунта?

– Подступаемся, ваше сиятельство.

– Отлично, её недовольство отцом-маразматиком надо использовать! – Юстиниан громко ударил печатью по подвернувшемуся документу.

– Персы... – начал евнух.

– С персами всё яснее некуда, пока Кавад занят Лазикой и Арменией. Дадим передышку – стервятники накинута на восточные диоцезы.

– Точнее и не скажешь.

– Велизарий снова на коне, похвально. Скрытый полководческий талант даёт о себе знать.

– Может и так, ваше сиятельство. Рано делать выводы. К тому же, верховные командующие недовольны его личным отрядом. Прислали публичную жалобу. Заговора нет, но я могу перечислить имена...

– Пустое. – Юстиниан ухмыльнулся. – Чуют, куда дует ветер. Лет через пять или, даст Бог, через десять, они захотят полезть на трон. И тогда букеларии сослужат мне услугу.

– Вы очень дальновидны.

– Полно лести, Нарсес. Надо срочно передать сообщение Флоре. Только выбери надёжного человека.

Глава 7. Поручение

К долгожданному посещению библиотеки Большого дворца Кесарий готовился основательно: посетил цирюльника, прикупил новую тунику вместо выцветшей старой. В назначенный день он добрался до Воловьего форума, а затем пошёл по Меззе.

Мезза или Средний проспект – главная улица столицы, посему самая безопасная. Прямой линией она начинается от неприметной Святой Софии, продолжаясь до стен Константина, внутреннего рубежа защиты, а дальше стремится к Золотым Воротам. По ней вполне можно пройти с повязкой на глазах. А ширина её позволит пятёрке повозок бок о бок мчаться наперегонки.

Прокопийский миновал высокие портики домов и торговых представительств, что редуют у Большого рынка, опоясывающего колонну Константина с золотой статуей на вершине. Далее он достиг площади Августеон, с которой попадают на Ипподром, в Термы, в ту же Святую Софию, а также в здание Сената и, конечно, во дворцовый комплекс.

Первый рубеж защиты дворца – пост у Медных ворот, знаменитых своим ликом Христа. Стража бдительно досматривает одежду, тщательно изучает приглашение и задаёт вопросы. После ворот гость попадает в руки служащего. Вместе с таким Кесарий преодолел аллею из кипарисов и попал

в неброское двухэтажное здание. Внутри его встретили величественный потолок, уходящий ввысь, что добавлял месту титанического обаяния, да прихожая с простенькой отделкой и одной-единственной дверью, выше человеческого роста, с резными округлыми ручками.

Страж-привратник отворил эту дверь – секретарь оказался в библиотеке. Первое, что он увидел – радостное лицо Амиана Мацелина, стоявшего недалеко от входа.

«И давно, интересно, он тут ждёт меня?» – спросил себя Кесарий.

– Ты вовремя, – произнёс библиотекарь, по-дружески пожимая руку. – Вот, любуйся. Как тебе в моей обители?

Кесарий посмотрел на ряды квадратных окон с одной стороны, на вереницу стеллажей со свитками, длинный светло-коричневый стол и оценил свободное пространство между всем этим добром.

– Есть где разгуляться! – ответил он. – Только пыль какая-то летает. Или мне кажется.

– Обычно тут всё протирают. Но сегодня помоют после нашей встречи – я распорядился. Лишние уши не нужны.

– А у вас много помощников? Вы не говорили.

– Всего пятеро, Кесарик. Послал к патриарху на поклон. Весточку от меня понесли. Не буду хвастаться, но мы с ним в отличных отношениях.

– Если не секрет, то зачем они там? – спросил переписчик канцелярии.

– История долгая. В общем, двор отправлял людей проверять целительные источники. Засланцы случайно раскрыли целый культ во Фракии. Сомневаюсь даже, что христианский.

– Культ? Люди в плащах и театральных масках? – пытался пошутить Кесарий.

– Может и так. Никого на месте не застали. Зато нашли их святилища – огромные камни под открытым небом. И на всех всадник пронзает копьём змею. С удовольствием бы сам съездил глянуть.

– Теперь эти камни разрушат?

– Вряд ли, Кесарик. У меня одна идея есть. Вполне возможно сделать всадника христианским символом. Смотри сам, налицо противопоставление добра и зла. Змей – образ искусителя людской натуры, что пытается подговорить нас на грех.

– Это разве не слишком отвлечённо?

Библиотекарь покряхтел.

– Всё понять никак не мог, почему этот сюжет мне знаком, – сказал он и принялся жестикулировать. – Поднапряг память и нашёл, в пятом ряду, на второй полке, третьем ярусе, оригинал жития святого Георгия, воина по долгу службы. А жил тот в эпоху Диоклетиана. И в тексте прямо сказано об избавлении им одного села от змея.

– Восхищаюсь вашей способностью нестандартно мыслить.

– Выгорит ли?! – Амиан перевёл тему: – Как новый начальник?

– Пытается вникнуть в суть нашей работы. Пока выходит скверно. Что ещё? От него всё время пахнет козым молоком. Ну и меньше кричит, нежели прежний. А Амидский сдал меня...

– Сдал?

– Поведал про мои писательские потуги, когда бразды передал. Квестор Прокл попросил меня показать ему свиток. Читал с удовольствием, даже не отругал.

– Видишь, первыми тебя оценили старички. – Марцелин сел за стол, поворошил бороду и играючи взял в руки стилос. – Так, ты пока походи, осмотришься. Меня увидишь в любой момент, а библиотеку... Руками трогать можно. Листы не вырывать! К полотнищу в дальнем углу не подходить – я иногда за ним сплю на лежаке, там ничего занятного. Возникнут вопросы – валяй.

Кесарий с удовольствием принялся изучать обстановку. Первым делом он подошёл к четырёхугольной карте мира, висящей на стене между оконными проёмами. Надписи на ней были сделаны на латыни, а центром мира значился Рим. Под городом художник пытался изобразить волчицу, кормящую двух детей, но вышел скорее худощавый медведь. Полотно местами выцвело и было порезано: карту будто делили на лоскутки.

Найдя глазами Херсонес Фракийский у Эгейского моря и

Византий, ещё не получивший имя Константина, гость библиотеки направился к имеющему сколы на остоле мраморному бюсту.

– Хм, женщине нос отбили. Это ведь мать Константина?

– Мимо! Элия Флацилла. Уцелевший антиохийский фрагмент, – ответил Марцелин.

– Ааа, – понимающе протянул Прокопийский.

История, известная ему, такова. Элия Флацилла являлась женой Феодосия Великого, последнего правителя единой империи. Как-то жители Антиохии, недовольные налогами, взбунтовались и принялись крушить изваяния Феодосия и его супруги. Лишь вмешательство служителя Иоанна, прозванного Златоустом, помогло унять толпу.

– Эх, Антиохия. Город в очередной раз будут отстраивать. Только людей не вернёшь, – произнёс переписчик с горечью, вспоминая недавние события. Далее он принялся бродить между рядов полок, вышиной ему по макушку. Каждая полка имела квадратные отделы для хранения свитков и бумаг, а также заднюю стенку. Отделы именовались четырьмя буквами греческого алфавита, но не по порядку, а как-то запутанно.

«Сколько же лет нужно, чтобы всё это перечитать? – задался вопросом переписчик. – Главное, потом не пожалеть о потраченных минутах».

Походив туда-сюда, он остановился возле углубления без какого-либо опознавательного знака. Ему приглянулся ниж-

ний свиток из целой кипы. В небрежной подписи на боковом держателе Кесарий с трудом прочитал «Дион Кассий. Рим. ист.». Секретарь потянулся за ним, попытался приподнять, но не сумел вынуть документ с первого раза. Зато под ним обнаружился тонкий нескрученный пергамент.

Амиан услышал шаги со стороны стеллажей и поднял голову. Подошедший Кесарий положил перед ним вытасченный из-под кипы пожелтевший рисунок двух церквей с круглым куполом. В правом уголке красовались буквы Р и S.

Марцелин слегка встрепенулся, увидев пергамент. Он резко встал, поднёс указательный палец правой руки к губам, потом дошёл до двери и высунул голову во входной портик, оглядываясь по сторонам. Затем всунул её обратно и сдвинул тугой входной засов. Только после этого библиотекарь вернулся к гостю и произнёс:

– Сиятельныйший наследник престола рисовал. Лет так двадцать пять назад, если не больше. Тогда его учили изобразительному искусству по просьбе Ефимии... императрицы Ефимии. Смышлёный мальчишка!

– Тяжело, наверное, обучать царских особ, – Кесарий удивился озадаченности хрониста. – Давайте я верну на место?

– Успеешь, – томно изрёк дворцовый хронист, после чего неосознанно потянул ногти в рот, но сдержался, – Признаться, я позвал тебя не просто так. Да, ты ждал этой возможности полгода. Понимаю. Знаешь, когда мы только встретились, я и не думал, что обрету настоящего приятеля. Не ча-

сто. Часто, точнее, бывало мне...

– Волнение лишает вас способности выражать мысли связно, – посетовал Прокопийский.

Амиан наклонился, опёрся на стол локтями и прикрыл щёки ладонями.

– Мне нужна помощь с одним делом, – выдал он. – Помнишь место, где мы пили неделю назад?

– Естественно. Вы за кого меня принимаете? – ответил Кесарий. – Я тогда не напивался до беспамятства – немного принял да и всё.

В один из прошедших четвергов библиотекарь позвал своего «шпиона» пить слаборазбавленное вино в какой-то камерке на окраине города в привычной для их общения атмосфере секретности.

– Хорошо, если помнишь путь, – кивнул Марцелин и вытащил из кармана ключ на верёвочке. – А припоминаешь фреску с павлинами?

– Конечно, синего цвета. А что? Не томите!

– Между их хвостами есть ниша. Найдёшь по стуку. Там всё на соплях – выбить легко. Внутри тайник. Уничтожь, сожги содержимое. Главное – никому не показывай.

– Понял. Я берусь, – не особо раздумывая, выдал Кесарий. – Дело срочное?

– Вообще, да. – Библиотекарь вдруг открыл отдел стола и поставил рядом с ключом небольшую мошну.

– Яд на случай моего провала? – спросил секретарь.

– Деньги за выполнение, возможные неудобства, – ответил Амиан. Вид его сделался по-настоящему печальным.

– Какие неудобства могут быть у Кирилла из Карики? – Прокопийский назвался именем, которое его собеседник обычно указывал на посланиях для него и вспомнил забавный случай: – Помните, вы как-то написали «моему потерявшему сыну Кириллу»?

– Люди Нарсеса, – шепнул, как казалось, невпопад Марцелин.

– Что вы имеете в виду?

– Глаза и уши одного дворцового прохвоста могут причинить неудобства, Кесарик. Будь осмотрительным. Да, я сомневаюсь, что ты с ними пересечёшься. И не хочу этого. Но лишняя осторожность не помешает.

«И как его иногда уносит от болтливости до мнительного состояния? – изумился секретарь. – Любит нагнетать. Схожу да выполню просьбу. Да и что там может быть такого ужасного?! Интересно, не забудет он об обещании посодействовать переводу из канцелярии сюда? Ну, сейчас напоминать не стану. Больно напуган».

Глава 8. В капюшоне

Уроженец Прокопии-на-Оронте сменил одежду на неприемную, на свой старый плащ с капюшоном, годный только Исидору на тряпки. Вечером того же дня он пересекал узкие улочки, что терялись между широкими магистралями столицы. Плотные облака с медным отливом и клюквенными оттенками парили в тускнеющем небе. Стены домов щедро отдавали взятое ранее тепло, мешая подступать прохладе.

«Вот зачем взял деньги? Стыд. С другой стороны, они мне ещё пригодятся», – думал Кесарий.

На всякий случай он загибал палец на каждом перекрестке, чтобы не пропустить нужный. Идти по памяти, глянув на карту, оказалось непросто.

– Шесть. Значит, где-то здесь, – произнёс секретарь, остановившись перед фасадами плотно стоящих домов, которые в этом районе выглядели довольно бедно и были похожи. – Да, узнаю.

Прокопийский сильнее натянул на голову спавший капюшон, а после вторгся в сумку, где в укромном отделе ждал своего часа переданный ключ.

Не озираясь на пустой переулок, Кесарий резко подбежал к нужной двери. Рука схватила ржавеющий замок и замерла в нерешительность: ещё оставался выбор не ввязываться, уйти и вернуть солиды библиотекарю. Вдалеке залаяли со-

баки. То в левом, то в правом ухе слышались чьи-то шаги на непонятном расстоянии.

«Не следят за мной никакие люди этого Нарсеса!»

Кесарий поднёс ключ к скважине и тут же ощутил лёгкое похлопывание по спине. Он подпрыгнул на месте, а затем резко повернулся.

– Владелец? – строго спросил уставившийся на него зрелый мужчина. На плече того красовалась повязка, схожая с теми, что носят стражники, но явно самодельная, с неровными краями и торчащими нитками.

– Что? – через сбитое дыхание переспросил Кесарий, чьи зрачки расширились донельзя. – Напугали...

– Ваш дом? – булькнул незнакомец. В его глазах читалась вина, словно жалел, что так огорошил беднягу.

– Конечно. Станет ли посторонний открывать хозяйским ключом? – затаил писарь, стараясь взять себя в руки.

– И то верно. Поймите правильно, как хлеб взлетел, грабежи участились. Брать-то нечего – всё равно шныряют. И вы со спины чем-то похожи на вора.

Кесарий подивился смелости этого человека, граничащей с безрассудностью. Подходить вплотную к потенциальному преступнику – неразумно.

– Ничуть не похож! Мне кажется, у вас... у нас тут почти все так ходят. Вряд ли сюда сенаторы в тогах забредают.

– Согласен. Да стражники тоже не суются, соседка. Приходится мне за порядком следить, – с горечью прого-

ворил бдительный мужчина, изучая Кесария в тщетных попытках вспомнить, видел ли когда-нибудь «соседа» по улице раньше.

– Что же, удачи в делах! Жуть, как хочу на боковую, – распрощался Прокопийский.

– Слушай, не подсобишь с тележкой?

Переписчик слышал немало историй о том, как несчастную жертву заманивали в ловушку детьми, старушками и просьбами о помощи. Потом, в лучшем случае, грабили. Коварная изнанка благородства! Грабители, конечно, не поживятся: мешочек с монетами остался на ложе, а Боэций им вряд ли сдался. Но это не успокаивало.

– Далеко тележка? Там надолго?

– В двух шагах. Только у неё два колеса сломаны. Не волнуйся, соседushка, быстро сдвинем. Давеча один пьяница оставил и умотал дрыхнуть вместо починки. Один бы потягал, да спину ломит.

«А ежели убийцы в подворотне?.. Какой же я мнительный дурень! Ладно, надо не навести на себя подозрения!»

– Хорошо. Только, чур, вы впереди! – Секретарь канцелярии изобразил притворную улыбку. Сердце же его колотилось.

– Пошли, – не понял подвоха самопровозглашённый страж порядка.

Они пересекли дорогу и зашли за угол. Никакого обмана не вскрылось. Отодвигание заняло меньше пяти минут.

Единственной неприятностью стала лишь мелкая заноза, попавшая в палец.

За те минуты, пока они возились, бесповоротно потемнело. Улица, на которой не было фонарей, показалась брошенной и пустой. Кесарий спешно попрощался с гражданином, который, к его счастью, отвязался, и бегом вернулся на крыльцо. Едва он провернул ключ, то уловил какой-то скрип в помещении. Затем добавились шорохи и шуршание.

– Крысы, я скучал!

Дверь, крякнув, отворилась. робко шагнул внутрь и заметил человеческий силуэт в неосвещённом уголке. Тут же со стороны силуэта прилетело что-то тяжёлое. Кесарий, превозмогая боль, схватился за лоб. Глаза зажмурились сами. Со лба на нос и ниже устремились капли, языка достиг солоноватый железный привкус.

Некто шмыгнул в заблаговременно выдавленное окно, через которое и проник в помещение.

Вскоре секретарь открыл одно веко: на полу лежали глиняные черепки, осколки чаши.

Павлины ждали. Пораненный доковылял до рисунка, на который указывали пучки света, а затем ударил окровавленным кулаком меж хвостов нарисованных птиц. Фрагмент стены посыпался. В нише оказался скрученный свиток, схожий с библиотечными.

«Взгляни! – умолял внутренний голос. – Плевать на наказы старика».

Кесарий поддался и развернул находку. Мелкие буквы и темень мешали чтению, и ему пришлось поднести бумагу ближе к окну. Там он успел различить всего два слова: «бывшая проститутка».

В голове резко зазвенело, будто били в колокол, созывающий на молитву. К горлу подкралась тошнота. И без того нечёткая строка начала расплываться. Прокопийский записал свиток в сумку, с трудом не выронив ключ, и двинулся к выходу.

После этого он даже успел пройти сотню-другую шагов от каморки, пока не опустился на колени из-за слабости на более оживлённом перекрёстке и не вставал с них очень долго. Чувство времени окончательно потерялось, неизвестно, сколько прошло, пока к нему вдруг не подошла девушка. Лунный свет делал её лик пугающим.

– Боже, у вас кровь. Надо скорей обработать! – причитала она.

Незнакомка попыталась поднять Кесария, но у неё не хватило сил свершить задуманное с первого раза. Кесарий с трудом напряг колени и попробовал привстать. Получилось. Оставалось повиноваться девушке и передвигать ноги.

Постепенно Прокопийский начал терять сознание. Последнее, что он ощутил и услышал, был запах мокрой земли из-за начавшегося дождя и крики про чью-то кончину.

Глава 9. Утро

После пробуждения Кесарий видел всё отчётливо и без помех. Он лежал на скрипучей кровати в комнатухе с облезлой штукатуркой. Подле него, на иссохшем чурбане, что выполнял роль подставки, стояла ёмкость для питья. Голова не гудела. Судя по ленивым лучам, солнце недавно вступило на дежурство.

Несколько раз прокричал внутригородской петух. Следом межкомнатный проём заглянула уже знакомая девушка. Теперь удалось разглядеть её получше. У неё были тонкие черты лица, дополняющие бледность, тёмные глаза и тёмные волосы, проглядывавшие из-под платка. От строгой туники сапфирового цвета веяло какой-то вдовьей тоской.

– Как вы? – поинтересовалась она.

– Лучше вчерашнего. Благодарю за спасение жизни.

– Вы преувеличиваете, порезы неглубокие. – Зашедшая покраснелась. – Могу я узнать, что стряслось вчера?

– На меня напали. Грабитель. Ушёл ни с чем, – безразлично выговорил Кесарий.

Он вдруг приподнялся и заметал заполошный взгляд.

– Что-то потеряли?

– Сумку.

Девушка указала пальцем на пол рядом с кроватью. Кесарий поднял суму и прижал её к груди, удивляясь своей

невнимательности. Он подумал, что ночью его могло рвать и пристыдился, хотя никаких следов не было.

– Полюбили тати наш отшиб. Даже в курятник пытались залезть.

– Пытались?

– Пёс спугнул... А вы бредили во сне. Цитату из «Откровения» приводили.

– Да? – переписчик справедливо засомневался в таком до-тошном знании библейских текстов.

– Вы упоминали блудницу. Из какой именно главы – не скажу, там про армагеддон и наказание за грехи.

– Ага, – осенило Прокопийского и он продолжил в голове: – «Понятно, к чему. Любопытно, о ком же шла речь».

Девушка вздохнула:

– Мне идти надобно. Отдохните маленько, матушка скоро придёт. Яйца свежие понесла продать.

Кесарий молниеносно сел на кровать и обхватил плечи кистями, потягиваясь.

– Не собираюсь злоупотреблять гостеприимством. Да и понедельник уже, дел много. Рассвело не так давно – значит, везде успею.

– Может, вам голову обмотать на всякий случай? У нас где-то лежала чистая тряпица.

– Благодарю, лишнее. – Кесарий с опаской дотронулся до лба. Кожа в местах порезов чуть пощипывала.

– Будь по-вашему.

– А куда собрались, если не секрет?

– В церковь, – смутилась девушка. Улыбка вмиг пропала с её бледного лица. – Панихида первого дня по василевсу. Как раз под ночь весть пришла. В столицу ехал. Царствие небесное!

Юстин правил без малого девять лет и не прогневал народ. Секретарь перекрестился. Правда, он поймал себя на мысли, что его совершенно не тронула кончина василевса. И даже стало как-то не по себе. С другой стороны, никакой связи с почившим у него нет. Разве что, через монеты. Сколько там ему было? Где-то под семьдесят. Старость своё взяла.

Спасительница будто прочитала отрешённость в его сердце.

– Знаете, мил человек, у нас дворцовых не очень жалуют. Папа всегда их ругал. Говорил, нам, простым людям, от них житья нет. Но мне всё равно грустно.

– Грустите, что уж в себе держать?! Винить себя за такое никак нельзя, – рассудил Кесарий. – А я вас задерживать не буду. И маму тоже. Идёмте!

На крыльце, под навесом, прямо у порога, на скамье над плетёными корзины стояла продолговатая кадка с водой.

«Иногда утром похуже выгляжу, а тут даже не опухший!» – увидел Кесарий своё отражение.

Ночной ливень оставил лужи разных размеров и форм: большие и маленькие, похожие на гусей, идеально круглые. А улицы без мощения превратил в трясину. Парочке при-

шлось ухищряться и обходить кашину, но грязь всё равно прицеплялась мелкими серыми точками. Прокопийский вяз, пытался прыгать, удивляясь чужой невозмутимости.

– Вы мне скажите, что стрясётся, если, положим, не проведут отпевание? – поинтересовался он у спутницы, когда вышли на сухое.

– Точно не скажу. Но оно душе помогает очиститься.

– Ладно. А вот затеряюсь на краю света. Не будет тела, не будет даже человека, кто за меня замолвит слово в храме да закажет отпевание. Тогда грешным на небеса?!

Идущая на панихиду задумалась, однако не смогла ничего ответить. Вместо этого она остановилась.

– Всё, мне тут всего-ничего осталось, сударь, – произнесла она, глядя прямо на Кесария.

Секретарю не хотелось расходиться, несмотря на то, что они говорили мало. Из без того разворошенного душевного улья вылетели иные пчёлы сожаления, и он изрёк, припоминая Дионисия, на месте которого оказался:

– Простите великодушно, мне нечем отплатить за вашу доброту.

– Ничего страшного. Храни вас Бог!

Окрылённый Кесарий наметил путь в канцелярию по ориентирам, и вскоре поравнялся с монолитными окраинными зернохранилищами у гавани Феодосия.

– Забыл спросить, как её зовут! Вот же... – хлопнул по ссадине на лбу секретарь и оскалился. – Забыл избавиться

от рукописи.

Впереди замаячил сырой и грязный заколулок, где коты занимались делёжкой рыбьего скелета.

– Желудок бы не выплюнуть! – посетовал на вонь Прокопийский, закрывая капюшоном нос. Он раскрыл свиток и, словно первые люди, вкусил запретный плод. Чем больше его глаза поглощали строк труда «Тайная история», тем чаще он, присвистывал и нервно посмеивался, пугая кошек. Рассказывалось про Флору, бывшую жрицу любви, и бурную жизнь племянника почившего. Теперь слова кабатчика не казались таким уж бредовыми.

– Амиан, конечно, сплетник, но не стал бы непроверенное писать. Почерк точно его. Ладно, сплетни – выдумки, а тут...

Рука тянулась выкинуть опасное сочинение, но хотелось дочитать и узнать всю подноготную. Кесарий, не желающий опаздывать, рассудил, что ничего страшного не случится, если взять свиток на работу и решить его судьбу в конце дня.

**

У портика канцелярии, в вымытых водой промежутках между камнями брусчатки, извивались десятки дождевых червей. Кесарий с трудом не раздавил несколько розоватых верёвок.

На самом крыльце, под портиком, в бездействии обнимал метлу Исидор. Под ногами его валялся совок и небольшое ведёрко.

– Святые угодники! На ипподром ходил? – спросил убор-

щик.

Предположение Исидора не было лишено смысла. Болельщики партий ипподрома имели крутой нрав. Их любимчики проигрывали – они крушили всё вокруг и дрались. Их команда выигрывала – они на радостях дебоширили и лезли в драку. А с кем именно вступать в противостояние – вопрос второй.

– Спугнул грабителя. Ну хоть череп на месте, – пояснил Прокопийский. – А ты тут чего?

– Отдыхаю. Квестор ни свет ни заря попросил подмести и помыть все углы. Нагрянули гости из дворца, сам догадываешься, почему.

– Наверное... Ладно, пойду.

– Только ноги вытри о тряпку. А то наследишь мне грязюкой!

Кесарий серьёзно отнёсся к просьбе и потратил много времени, очищая обувь мокрым уголком. Прямо на его глазах из кабинета главы канцелярии, который находился в конце широкого коридора от входа, выплыл тучный мужчина в рубаше с расшитым синим воротником и с орлом на груди. Полный. Роста небольшого. Глаза, даже издали, казались выпученными. Волосы блестели, как будто их намазали салом.

«Держится очень уверенно – мимолётно рассмотрел незнакомца секретарь. – Интересно, какую должность занимает. Доместик? Силенциарий?»

Следом показался сторбившийся квестор Прокл. Кесарий выказал уважение обоим, сделав поклон.

– Вот как раз и он, господин Нарсес, – произнёс квестор, завидев подчинённого.

Пришлый мужчина задумчиво дотронулся до своего второго подбородка.

От имени «Нарсес» у Кесария перехватило дыхание. Казалось, сердцебиение его слышится по всей канцелярии. Ноги-столпы будто отяжелели, обмякли и тяжестью стремились куда-то под пол.

«Глупый! Надо было утопить свиток, уничтожить, как Марцелин велел, – начал корить он себя, – Теперь уже поздно, всё наперекосяк. Ну, четвертовать не четвертуют. Хотя за гадости про без пяти минут императора и его избранную могут!»

– Будет угодно позвать ко мне? – спросил евнуха Прокл.

– Сами разберёмся, в привычной обстановке, так сказать. Ваша помощь более не нужна.

– Разумеется, – сказал квестор и обратился к подчинённому: – Ну, не стой как вкопанный. Пройди к себе.

Кесарий медленно вошёл в привычный рабочий зал и, сжав кулаки, уселся на своё место. А затем вскочил и поставил треногу Исидора с другой стороны стола.

Гость из дворца предварительно закрыл дверь и сел напротив. Смотрел пристально, чем ещё сильнее пугал переписчика. Какое-то время в помещении висело безмолвие. От

мучительного ожидания ноги Кесария принялись отстукивать.

– Сможешь сочинить добротный *панегирик* о нашем почившем Юстине, – нарушил молчание Нарсес. – Греческий, латынь. Стиль свободный. Все приёмы – на твоё усмотрение. Дело не терпит отлагательств, срок – до захода солнца. Отсюда его заберут *вередарием*.

– Дд-да.

– Можно не провожать. – Нарсес встал и вышел.

Кесарий выдохнул, подобно усталому псу после бега. Его внутренний голос ликовал:

«Уф, всего лишь хвалебную оду настрочить».

На радостях Прокопийский потянулся к суме, но тут услышал причитания квестора, разносившиеся на весь коридор:

– Эх, молодняк пошёл: подносил блюда к триклинию, а теперь командует!

Кесарий понял, о ком речь, и это его позабавило: Нарсесу на вид было не меньше пятидесяти – довольно зрелая молодёжь.

Квестор вошёл к Прокопийскому.

– Ещё кое-что, Прокопий... – начал он.

– Прошу прощения, Кесарий.

– Именно! – осёкся квестор. Он не уселся, а принялся кружить, шаркая ногами. Визит старого знакомого подействовал на него неожиданным образом. – Послезавтра отпра-

вишься в маленькую командировку где-то на неделю.

– Куда?

– К магнику Трибониану, к юристам. Там много бумаг
– новая кровь норовит всё перевернуть.

Глава 10. Вопросы

В промежутке между завершением дел под крылом ведомства Трибониана и возвращением в привычные будни родной канцелярии Кесария ждали выходные. Вскочив как-то утром из-за судороги в икре затёкшей ноги, он полез в сумку, чтобы достать писало, а затем его острым концом потыкать в конечность, и осознал, что чужая рукопись до сих пор лежит там.

– Надо уже с ней покончить, – лёжа, рассуждал он. – Сведения опасные, но ценные. Слог какой прелестный, мне до такого расти и расти! А если я перепишу себе, но заменю имена и какие-то детали? Возьмёт в руки текст человек со стороны, подумает – очередные выдумки.

Начались поиски. В угловой тумбочке нашёлся огрызок пергамента и парочка гусиных перьев. Но вот чернил нигде так и не обнаружилось.

Прокопийский собрался и направился к ближайшему форуму. Едва он вышел из дома, ему встретился старик в сопровождении взъерошенной пегой собаки.

«Вылитый Амиан! – нашёл сходство старика с библиотекарем мужчина. От досады зубы его заскрипели. – Чего же молчит сплетник? Затаился или решил от меня избавиться? Столько лил в уши про помощь, а теперь, видимо, про дворец придётся забыть».

На площади Амастрианум, считавшейся главным местом публичной казни преступников, где Кесарий надеялся найти чернила из сажи по приемлемой цене, пахло конским навозом. Между мешающих проходу куч экскрементов у коновязи он увидел вереницу из пяти рабов мужского пола. Они были побриты налысо, одарены клеймом и закованы в единую цепь. У всех на коренастых телах проглядывали свежие синяки. Вообще, несмотря на существование института рабства в империи, секретарю не часто доводилось видеть такие партии живого «товара».

Сопровождающие рабов стояли поодаль и о чём-то спорили во весь голос.

Долго не раздумывая, Кесарий подбежал к лоточнице и купил немного сухарей, которые в ладонях донёс до невольников. После этого он принялся молча, дабы не привлекать внимание, напихивать иссохший хлеб в скованные руки пятерых.

На последнем человеке объединяющая цепь закрипела. Конвоиры услышали звук и повернулись на товар, с удивлением обнаружив постороннего.

– Что тут ошиваешься? Лишний хребет отрастил? – грубо спросил у переписчика мужчина с густыми усами.

– Да хотел бы купить, – придумывал на ходу Прокопийский.

Конвоир внимательно осмотрел обноски незваного гостя,

напряленные для похода неподалёку:

– Господь с тобой, не продаются.

– Понял, уже ухожу, – сказал на это писарь, но после не сдержался и добавил: – А они разве не божьи дети?

– Божьи? – призадумался усатый конвоир. – Знать не знаю, чьи. Пока это собственность префектуры. Ступай уже *отсюда*, пока не вдарил.

Кесарий отошёл от коновязи, закрывая глаза от порыва ветра, поднявшего клубы пыли, и влился в толпу. Рядом с ним, навстречу ему продвигались десятки, если не сотни человек. Мужские и редкие женские голоса сливались воедино:

– Безобразие! Когда гимнасий откроют?

– Такой ремешок для сандалий есть?

– На Воловьем жуть как обвешивают!

Торговая площадь навевала переписчику мысли о далёких языческих временах. На ней стояли и таращились на прохожих изваяния черепах, селезней, аистов, загаженный помёт Зевс, Гелиос без колесницы и одной руки.

Сердцем же Амастрианума было куполообразное сооружение с металлическим навесом. В здании находились эталонные бронзовые бруски в один, пять или десять *модиев*. С помощью них покупатели и продавцы взвешивали мешки с зерном, овсом или половой.

От геометрической середины пространства равноудалённо отстояли треугольные обелиски в два человеческих роста. Проходя мимо одного из них, Кесарий заметил объявление:

– Дворцовый магистрат набирает талантливых людей на должности секретарей и помощников магнIFIка. Требование к соискателю – возраст до сорока. Вступительные испытания пройдут в полдень пятнадцатого дня месяца Августа в правом крыле здания Сената.

– Дворец, Сенат. Нашли, где повестить такую бумажку! – негодовал Прокопийский. – И всё же, это знак для меня. Вдруг повезёт. Так, пятнадцатое завтра. Скажусь больным или загляну после обеда. Прокл куда мягче Ефрема.

Ему вспомнилось, как в отделе делопроизводства юристов все только и судачили о грядущих переменах в государстве. И правда что-то новенькое: разве раньше искали мелких чиновников первой ступени по объявлениям на рынке?

**

На следующий день за полчаса до полудня Кесарий в парадном одеянии пристроился к концу бурлящей очереди, что начиналась у колонн Сената и тянулась во внутренний дворик, где палящее солнце не имело власти.

Накануне вечером он закончил переписывать «Тайную историю», после чего по темноте пошёл к ветхому сараю, у которого дети обычно играли в прятки, и сжёг сочинение.

До его уха теперь доносился диалог стоящих перед ним.

– Жена заставила? Ну ты даёшь!

– Ай, в их берлогу соваться боязно. Не понравилась – угробят. Вон, даже императрицу-вдову извели.

– Тиш! Откуда такая брехня?

– Троюродный брат жены сказал. Не последний человек, на минуточку. На отпевании тело видел в Ирине. Лицо её, *grim*, как желток было.

– Жёлтое? И что с того?

– Значит, яд – признак отравления. Гиппократ не читал?

– Неинтересно. Да и мутит от ионического, кто бы на человеческий переписал. Лучше скажи, когда коронация? Слышно чего? Может, твой родственник знает.

– Глухо. Ему бы сообщили из первых уст. А что, тебя уже пригласили?

Протрубили в горн. Мужчины замолкли. На белоснежный портик сенатского крыла под четырьмя опорами вышел лысеющий вестовой в компании стражников. Он оглядел толпу и наказал кандидатам разделиться на три группы, образовав новые линии. Внутрь запускали по трое из одной вереницы.

Постепенно настала очередь Кесария и его соседей по линии. Стража пропустила их внутрь. За входными дверьми оказался огромный зал, отделанный мрамором. На довольно значительном расстоянии друг от друга в зале стояли круглые столы-треноги из бронзы. Троицу пригласили пройти к одному из них. У него ютились четыре табурета, один уже занимал морщинистый экзаменатор с пепельными волосами.

– Прошу прощения, получше мебели не нашлось? – спросил у экзаменатора тучный мужчина средних лет. Табурет терялся где-то под ним.

– Достопочтенный муж, прошу извинить за неудобство.

Ничего более подходящего нет, – ответил принимающий. Далее он записал имена, места рождения, род занятий и возраст сидящих за его столом. Мужчина, которому оказался мал табурет, назвал имя Гордей. Его густобровый сосед справа оказался Евсебом.

Впрочем, Кесарий не рассматривал их. Он оглядывал зал, принявший уже человек пятьдесят-шестьдесят, по его наблюдениям, и подбадривал себя:

«У меня получится, память не подведёт!»

– Итак, я буду задавать вопросы. По очереди, – объявил тройке экзаменатор, а затем обратился к секретарю: – Первый – самому молодому. Назовите поговорку, синонимичную выражению «Ab ovo usque ad mala».

– От яиц до яблок? – у переписчика сразу готов был ответ: – «От Альфы до Омеги».

Проверяющий знания хмыкнул и чиркнул по галочке на восковой доске, прежде чем переключиться на другого.

– Кто ввёл термин *aurea mediocritas*, золотая середина?

– Ов... Гораций! – выдал, щёлкая пальцами, чернобровый Евсеб.

– Далее, Гордей. Что сказал Цезарь после перехода Рубикона?

«Это даже ребёнок знает», – подумал переписчик.

– Жребий брошен. – выпалил Гордей. Он выглядел так, будто выиграл олимпиаду.

– Тогда вопрос всем, на скорость. Готовы? На каком языке

Цезарь произнёс сие изречение?

– На эллинском, – выкрикнул Кесарий.

– А как же «*alea iacta*»? – удивился чернобровый.

– Плутарх так свидетельствует. Все претензии к нему, – отмахнулся уроженец Прокопии.

Экзаменатор постучал по столу костяшками и родил новый вопрос.

– Идём далее. Всем: какая река питает столицу и протекает под землёй до цистерн Мокия?

– Я недавно в городе, – пожаловался Евсеб.

– Ликос, – пробубнил Прокопийский. В нём разыгрался азарт, и он приготовился отвечать снова, нервно шевеля пальцами и не отрывая глаз от морщинистого лица старика.

– Засчитано. Идём в том же ключе. Как звали мать императора Константина?

– Елена, – продолжал серию ответов секретарь.

Гордей с грустью глянул на Кесария, признавая поражение в состязании, а затем осведомился:

– Ещё будут вопросы?

– Последний. С чьей смертью связана комедия Аристофана «Облака»? Дайте развёрнутое пояснение.

– Со смертью Сократа, – ответил Кесарий. Евсеб закатил глаза. – Его обвинили в неуважении к языческим божествам, афиняне устроили суд. Но Сократ сам принял яд.

После первого этапа участников отбора попросили выйти обратно во двор. Оставалось только ждать. Одни грызли ног-

ти, другие хрустели пальцами и зевали, а третьи жаловались людям, которых они впервые видят, на несправедливость отбора.

Кесарий же хотел достать и почитать Боэция, но затем вспомнил, что лист остался пылиться где-то на подоконнике. Тогда он принялся смотреть, как по галерее между корпусами соседнего здания чинно расхаживали сенаторы в богатых хитонах. Тоги, сенаторский атрибут, им предписывалось носить только во время важных мероприятий и собраний.

Спустя десять минут появился тот же человек, но уже с длинным списком, и стал выкрикивать имена. Теперь запускали только по одному. По прошествии времени никто не возвращался к ожидающим, из-за чего напряжение в толпе усилилось.

– Скорей бы!

– Долго же они, – гудели голоса.

– Кесарий из Прокопии! – прокричал объявляющий. – Проходите.

Мужчина вскоре оказался в уже знакомом зале. Сейчас на один стол приходилось по одному сидению. Новый проверяющий задал несколько общих вопросов а потом протянул писчие принадлежности.

Предстояло написать объёмистый диктант из двух частей. Первая в основном проверяла скоропись, а вторая орфографию. После кандидата попросили написать небольшое размышление о сущности общественных отношений и обяза-

тельно упомянуть недостаток строя. Последнее само по себе звучало настолько свободомысленно, что сбивало с толку.

«Подвох какой-то. Взятничество? Кумовство? Или они чего-то другого ждут? – размышлял пишущий. – Ладно, пойдем другим путём.

– Заметный недостаток – отсутствие прозрачного престолонаследия и прямой передачи власти. Влиять на назначение императора может горстка гвардейцев. Тогда вопрос решается силою, – вывел он.

Получив на руки диктант и сочинение, экзаменатор ещё раз перепроверил личные данные, заполненные предшественником, а затем принялся расспрашивать Кесария:

- Давно ли в Константинополе?
- Без малого семь лет.
- Где получали образование? На дому?
- В Платоновской академии в Афинах, – ответил Прокопийский. Он почувствовал благодарность бабушке, без которого бы туда не попал.
- Семейное положение и дети?
- Холост, живу один, детей нет.
- Вероисповедание? Так, не для записи.
- Обычное, никейское, халкидонское.
- Где хотели бы нести службу, ежели бы могли выбирать?
- В библиотеке Большого дворца.
- Понятно. Вас можно найти в городской канцелярии, верно?

– Да.

Проверяющий кивнул и указал на чёрных ход в противоположной стороне зала.

– Доброго пути, – сказал он.

– И вам того же, – автоматически ответил переписчик.

Когда Кесарий пробирался к выходу мимо таких же, как и он, то заметил боковым зрением человека, похожего на Патрикеев из «Нектара», коего он ожидал увидеть у Трибониана, и заключил, что столица очень тесна.

Глава 11. Канцелярия

Две недели пролетели с экзамена. С каждым минувшим днём секретарь терял надежду на благоприятный исход или даже получение ответа. За этот срок в столице прошла коронация В день всеобщих гуляний, Прокопийский собирался посмотреть на львов и пятнистых леопардов, выпущенных в амфитеатре на потеху толпе, но слёг с жаром, возникшим, по его мнению, из-за промоченных ног.

На следующий день, в хмурое утро вторника, он спешил на работу. Впереди показался портик родной канцелярии. Издалека Кесарий заметил Исидора, что стоял к нему спиной и держал в руках щётку, так как ему выпала честь стереть со стены бранные слова, начирканные угольком.

– Привет трудягам! – окликнул коллегу Прокопийский, и тот, прекратив напевать незамысловатый мотив, повернулся.

– О, Кес, выздоровел уже? Старичок наш спозаранку о тебе судачил. «Переписывать легче, чем сочинять своё». Ну-ну. Хоть бы раз поругал, как Амидский.

– Завидуешь?

– Ага, жди. Ты в каждой бочке затычка. Зато меня не трогают зазря. – Исидор почесал волосы и повернулся к надписи. – Слушай, а у нас ведь нет никакого Кирилла?

– Нет. А что такое?

– Да вчера тут ошивался посыльный, пристал ко мне. Ис-

кал Кирилла, а я торопился отлить. Взял конверт, чтоб отцепился. Пообещал в руки отдать. Потом понял: Кирилла-то нету. Вот и выкинул в мусорку. Увидят, нет ответа – ещё раз пришлют. Делов-то.

– Понятно. Исидор, давай я эти надписи быстренько ототру, а ты отдохнёшь? – Кесарий потянулся за щёткой.

По крыше забарабанили капли дождя. Сначала понарошку, потом – в полную силу.

– Ты ведь не любишь дождь, – прозвучал натянутый аргумент.

– Никто не любит. – Оторопевший Исидор тотчас отдал рабочее орудие и резво поспешил внутрь.

Прокопийский управился с углём и подбежал к железной бочке на углу. Под веточками, сором и огрызками обнаружился конверт. Текст был написан на кусочке тонкой кожи размером с ладонь. Судя по характерным завихрениям букв, послание оставил Марцелин. Оно гласило:

– Хочу верить, что с тобой всё в порядке. С печалью сообщая: в ближайшие месяцы не увидимся. Еду во Фракию изучать камни с победоносным всадником. Спасибо патриарху за услугу. Без заступничества императрицы, упокойся её душа, тяжело. Надеюсь, ты уничтожил... Не помог тебе – моя оплошность. Вернусь – исправлю.

Фыркнув, переписчик скомкал записку и швырнул её в появившуюся незадолго до этого лужицу.

«Может, его этот Нарсес спугнул. Зато сдал свою покро-

вительницу. Ладно, надо работать – какая теперь разница?» – рассудил он.

Ближе к вечеру писари перекусывали сочными яблоками в боковой комнате с мойкой. Сквозь приоткрытую дверь небольшой трапезной, Кесарий заметил в коридоре вестового из вередария, казённой почтовой службы. Тот прятал под подмоченной дождём накидкой продолговатый предмет.

Едва Кесарий вернулся к себе и взялся за перо, как внутрь заглянул Исидор.

– Эй!

– Чего эйкаешь, Никейский?

– Вызывают, ваше нужнейшество! Видимо, будешь помогать всевидящему со свитком.

– Свитком?

– Да. Добротный такой, в чехле, с красной печатью.

Прокопийский вошёл в головной кабинет канцелярии. Первое, что ему показалось странным – отсутствие запаха козьего молока. Второе – невероятно хмурое лицо квестора, почти вплотную нависшего над документом.

– По твою душу принесли, – произнёс Прокл, жмурясь. – Садись.

Секретарь сомкнул губы и потупил взгляд. Приближения неприятного разговора жгло: он всё же не посчитал нужным оповестить руководителя о своём участии в экзамене.

– Читай сам, – изрёк квестор, протянув свиток.

Кесарий погрузился в витиеватые фразы о том, что его

кандидатура рассмотрена и одобрена уполномоченными лицами. Вот только нигде не указали конкретную должность.

– Когда требуют явиться к ним во дворец? – поинтересовался глава канцелярии.

– В ближайшую пятницу, – почти прошептал Кесарий.

– Вправе не отпустить, понимаешь? – покачал головой квестор, почёсывая веки с кошачьим рвением.

– Понимаю. На вашем месте я бы так и сделал. Но не волнуйтесь, не собираюсь увольняться или хуже работать. Могу идти?

– Постой! Меня сюда спихнули за ненадобностью. Жаловаться не пристало: уже не тот ум. Им там нужны молодые, смышлёные. Поэтому отпущу. Вдруг во дворце тебе самое место? Дослужишься до квестора – майся ерундой за жалование, должность такая.

– Великодушно благодарю.

– Знаешь, лет тридцать назад Анастасий Разноглазый вводил фоллисы в обращение, подмахивал торгашам поблажки. И тогда меня пошвыряло по ведомствам. Везде, не поверишь, везде шептались, мол старики ничего не понимают. Да, незаменимыми их считали, что уж греха таить, но всё равно недолюбливали. Вот уйдут они, говорили, и всё наладится...

Квестор натужно хмыкнул, затем поморгал и снова принялся чесать глазницы.

«Забыл, к чему завёл эту историю?» – подумал Кесарий.

– Конец! – неожиданно воспрял начальник. – Скажи, что по этому поводу думаешь, Прокопий. А? Так ли мы плохи?

Проигнорировав неувязку с именем, Прокопийский ответил:

– Да, почему-то считается, свежий взгляд хуже сделать не может. Я вот не разделяю это мнение. Разве дело в смене поколений? В каждом поколении есть раздолбаи и трудоголики. Глупо считать, что всё сразу станет прекрасно, если, положим, умрут люди старой закалки.

Прокл захохотал, и его впалые щёки окропились случайными слезинками.

– Мож, какое напутствие дать? Или рассказать о ком-нибудь важном? – предложил квестор. Я там столько лет варился.

Кесарий долго не раздумывал:

– Расскажите о господине Нарсесе.

Слова Прокла после визитов евнуха в канцелярию не забылись, но он ожидал услышать нечто новое.

– Попросишь про императора, думал. Нарсес? Худородный, чуть ли не из невольников. Быстро достиг своего положения. Наблюдательности ему не занимать, как и хитрости. Сам нелюдимый, однако же с людьми умеет договариваться. Никому не советовал бы стоять на пути. Не суть важно, кем его сейчас назначили – препозитом опочивальни или комитом щедрот. Теперь он советник императора, самый опасный.

Кесарий осознал вот какую вещь: это их первый разговор по душам.

– Задержись сегодня, закончи всё. А послезавтра позовём писарей младшего звена. Замену-то тебе надо найти.

– Разумеется.

**

Канцелярию покинули все, кроме двоих: Исидор домывал полы, Кесарий корпел над пергаментом.

– Слушай, а ты почему не предупредил-то? – утопив тряпицу в ведре, спросил Исидор.

– Что ухажу? Сам только сегодня узнал. А радоваться раньше времени не в моих правилах, – отбился Прокопийский. – Завидуешь?

– Может быть. Ты, главное, не зазнайся там, Кес.

– Постараюсь.

– Постарается он – ишь, какой. Я б не зазвездился, хоть на трон посади!

Уставшая рука Кесария чуть не выронила писало.

– Любой бы так сказал. Только власть развращает. Кто захочет признавать, что его сущность под действием обстоятельств может измениться в худшую сторону? Никто. Все почему-то уверены, что их метаморфоза не коснётся.

– Ну и загнул же ты! Всё же выходцы из народа более справедливы по сравнению с богатеями.

Кесарию захотелось на скорую руку выдать какой-нибудь каламбур, ведь взятые василевсами имена Юстин и Юсти-

ниан с латыни означали «справедливый», но он сдержался и вместо этого изрёк:

– Может и так, не берусь судить. Вот нынешний император, например, из простых земледельцев.

– Да ну?! Он же племянник важной шишки. Без дядюшки куда бы пролез? – возражал переписчик-уборщик.

– Отчасти ты прав. Но суть в другом: тот же Юстин родился в бедной семье.

– Бог с ним, Кес. Ты лучше скажи, когда обмоем твой успех?

**

Пятёрка желающих занять освободившееся место секретаря сидела на треногах в тесном кругу и слушала одного балагура:

– Стою в толпе. У всех номера очереди по списку. Походит тут мужичок и спрашивает: «Есть тут 61-й человек?». Ему в ответ: «А зачем он вам?». «А я 62-й», говорит.

Прокопийский украдкой вошёл в помещение и притворно кашлянул, издав звук, похожий на рык хриплого львёнка. Кандидаты, завидев его, сели смирно.

– Доброе утро. – Кесарию показалось забавным, что кандидаты вид незначительно младше него. – Что же, не теряем ни минуты: кто расскажет мне про «Облака» Аристофана? Смелее.

– Не взыщите, конечно, но мы ведь не на представление лицедеев пришли, – с надрывом выдал балагур.

– На экзаменах лишних вопросов не бывает, – заключил Кесарий. – Ну так кто?

Конопатый молодой мужчина с широкой челюстью, сидевший ближе всех к окну, поднял руку.

– Отлично! Только назовитесь, пожалуйста.

– Неарх из Агафии.

Глава 12. Назначение

Новый день подарил Медным воротам дворцового комплекса сочный персиковый оттенок. Кесарий смотрел на них, остановившись и не смея сделать шаг, и томно выдыхал. В его любимой сумке, теперь располневшей, помимо личных вещей лежала скомканная сменная одежда с бельём.

Нелегко ему было побороть страх неизвестного. Голос в голове отговаривал, пытался убедить, словно жребий ещё не брошен, и можно вернуться обратно.

– Я готов, – несколько раз повторил переписчик и двинулся к посту досмотра.

Стражники вытащили все вещи, вывернули каждый кармашек наизнанку, а также несколько раз проверили свиток, принесённый главе канцелярии.

– Проходи, счастливчик, – наконец услышал Прокопийский.

Его передали ответственному за встречу гостей, что стоял в компании двух слуг на тропинке за воротами. Ответственный ещё раз взглянул на приглашение и повел Кесария в двухэтажное здание неподалёку. На пути им встретился человек в белоснежном хитоне, несший в руках клетку с диковинной клювастой птицей, примечательной оперением красного, жёлтого и зелёного цветов. Переписчик видел подобное живое существо впервые.

«Кажись, не в сторону библиотеки идём», – пытался сориентироваться в пространстве Прокопийский.

Вскоре его завели в небольшой зал, светлые стены которого были украшены небольшими синими ромбами. В зале на кушетке сидел пожилой мужчина.

– Первый воробышек, – произнёс он, завидев вошедшего. А потом попросил документ.

«Надеюсь, не придётся таскать с собой этот несчастный свиток», – понадеялся Кесарий.

– Так-так, помню – прекрасный панегирик в честь благословенного Юстина. Что же, всем, кто будет находиться здесь на постоянной основе, следует знать дворцовый этикет и формы обращений. Думаю, урок начнём через полчаса. Заскучать не успеете: потом небольшое занятие по делопроизводству. – сказал дворцовый, и Кесарий сразу отметил его кипрский говор. – Пока можете задать вопросы...

– Подскажите великодушно, а какая у меня должность?

– Ещё толком не решили. Самых даровитых, безусловно, приставят к видным мужам вроде сенаторов, консулов или флавиев. Вы ведь жаждали работать с книгами?

– Точно.

– Полагаю, пожелание учтут.

– Если вдруг нет, всё равно хотелось бы посетить библиотеку. – Прокопийский сделал вид, словно не был там под именем Кирилла. – Меня вообще пустят туда?

– Разумеется, доступ в дни посещений. И ежели будете

свободны.

**

Вечером, когда уроки остались позади, Прокопийский покорно последовал за прислугой по аллее. Чувство новизны за день настолько наполнило его душу, что он уже перестал восторгаться архитектурой, рядами подстриженных деревьев, небольшими водоёмами, перестал рассматривать спешащих и чинно расхаживающих слуг, что кланялись ему, будто он сенатор, а не бывший мелкий служащий с задворок.

Теперь он оказался в здании, уже трёхэтажном, поднялся по лестнице.

– Ваша комната, – Прислужник указал на дверь. – Ключ выделяют позже. Изнутри закрывается на щеколду. Входите, прошу.

Кесарий сделал несколько шагов внутрь.

«Просторно, как две мои комнаты, ей-богу. Ну и клопов, тараканов тут точно нет».

Из огромного окна, высотой от его макушки до пояса, виднелись далёкие черепичные крыши.

– Как видите, сторона солнечная, – изрёк слуга. – Не самые лучшие покои, но что есть.

Комната чуть ли не блестела от чистоты. Правда, в верхнем углу новый жилец всё же заметил верёвки паучьих ловушек.

Слева от входа находился платяной шкаф с двумя створками и нижней шуфлядкой. Рядом с подоконником стояла

узкая кровать с бронзовыми изголовьями, изображающими гривастого коня в узде. На кровати лежали прямоугольные куски ткани.

– Только скажите – мы расстелем всё, – обратились к новосёлу.

– Благодарю, я сам, – добродушно ответил Кесарий. – Так ведь можно?

– Можно. Но не стесняйтесь просить помощи. Чуть не забыл: уборная на этом ярусе в самом конце, слева. А теперь оставлю вас.

Кесарий положил суму у изголовья, оценил мягкость подушки шлепками и опустился на кровать, но сел с краю, словно уступив место ещё кому-то.

«Ладно, прилягу, пожалуй. Видимо, сегодня к нанимателю уже не позовут», – подумал он.

И в этой догадке ошибся. Где-то через двадцать минут в комнату постучали. Кесарий открыл.

– Флавий ожидает, пройдёмте, – сообщил незнакомый слуга.

В его сопровождении Прокопийский дошёл до другого здания в глубине комплекса. Накатило волнение.

– Пришли. Можете сразу входить. – Кесарий трясущейся рукой потянул ручку двери.

На карте провинций передвигал игральные кости мужчина лет тридцати. У него были волосы каштанового цвета со стрижкой под глиняный горшок, жидкая борода и болот-

но-зелёные глаза.

– Приветствую, сиятельный муж, – поздоровался Кесарий, используя обращение к особе с титулом «флавий» и подметил, что невзрачная туника светло-коричневого цвета совершенно не соответствовала почётному званию.

– Здравствуй. Меня зовут Велизарий. С недавних времён я *magister militum per Orientem*. А вы отныне мой личный секретарь.

Внутри Кесария всё сжалось от неожиданности.

«Магистр армии на Востоке? Военный? Вот так фокусы! Что же, хотя бы не Нарсес, – скрепя сердце размышлял он, а затем перешёл на торг: – Ладно, заработок приличный. Как-нибудь справлюсь. Или нет? Меня выпустят живым?»

– Откуда родом? – поинтересовался полководец.

– Из Сирии. Но жил в Греции.

– Буду честен, до этого справлялся без личного секретаря. Но положение требует. Читать худо-бедно умею, а вот с письмом туго. К слову, как у вас с верховой ездой?

– Никак, – пожал плечами бывший писарь канцелярии.

– Понятно. – Велизарий выдвинул ящик стола и, порывшись, достал оттуда писчие принадлежности. Он явно не разбирался в их назначении, ведь вместе с нужными вытащил стилос для восковых дощечек и острое писало для деревянных. – Нужно небольшую записку оформить.

– Простите, флавий, кому адресуем? – поинтересовался Кесарий, приготовившись оформлять шапку послания.

– Императору, – отрезал Велизарий. – Сейчас достану чистый лист.

Прокопийский, подрагивая, вывел на бумаге форму для таких случаев. Затем он уткнулся в написанные слова, перепроверя их. Неправильное обращение к василевсу в переписке наказуемо. На челе его проступил пот.

– Что там? – вскоре поинтересовался полководец

– Начало готово.

– Тогда слушайте...

Несмотря на внешнее спокойствие и даже отрешённость, Велизарий диктовал резво, а местами даже сумбурно. В записке он просил государя отправить себя проверить армейские конюшни в предместьях, так как те, по его мнению, находились в плачевном состоянии.

– Всё. А у вас какой родной город? Как подписать? – спросил секретарь.

– Достаточно должности и имени. Поймут.

– Как скажете. Куда мне это отнести?

– Нести? – Военачальник по-доброму ухмыльнулся. – Вам не надо. Крикнем комнатным – заберут и доставят.

Тут в дверь быстро ударили четыре раза.

– Захожу? – подобно грому зарычал хрипловатый бас.

– Входи.

«Нет, точно не слуга, – озадачился Прокопийский. – Слишком бесцеремонно».

В дверном проёме возник низкий, коренастый мужчина.

Лицо его по форме практически вписалось бы в квадрат. Разрез глаз выдавал степное происхождение. На левой щеке красовалось бордово-розовое родимое пятно. Длинные тёмные волосы были собраны в пучок позади.

– Как поместье, Уника? – с ходу спросил у него Велизарий.

– Муравьи божатся, типа наполовину закончили. Баню восстановили сегодня. Но Иосифий ноет – рук мало. Странный малый, куда ему спешить?

– Да Антонина подгоняет, обождать не может никогда.

– Точняк, командир! – Уника продолжал стоять на одном месте. – Выдвигаемся когда?

– Послезавтра на рассвете, – ответил полководец.

Он оглядел комнату и, посмотрев на Кесария, сделал слегка удивлённое выражение, словно ненадолго запамятовал, что помимо них с Уникой тут есть кто-то ещё.

– Пару дней побудете здесь, в покоях, – обратился Велизарий к своему секретарю. – После едем на манёвры к северу от Галаты. Вам там делать нечего, но придётся таскаться со мной.

**

На следующий день Кесарий нашёл смелость самостоятельно дойти до библиотеки. Несший дозор привратник остановил его:

– Закрыто! Претора Лида сегодня не будет – на важной встрече. Завтра тоже.

«Лид? Знаю одного, Лаврентием звать — сделал вывод Прокопийский. Редко кто звался в честь целых областей вроде Карики или Лидии. — В префектуре трудится. Жуткий болтун, про легионеров писал».

До отъезда в Галату он так и не попал в желаемое место.

Вообще, первые две недели на новой службе давались нелегко. Прежде всего, из-за разъездов по окрестностям столицы. Первые манёвры проходили в открытом поле. Секретарь удивился, как за какой-то час с лишним на его глазах вырос временный лагерь и тренировочный ров. Велизарий в сопровождении Уники курсировал между сотнями своих бойцов и проверял их оружие. Общался он с ними по-дружески.

Почти всё время Кесарий проводил в палатке, сравнивая длинные списки рекрутов разных месяцев между собой. Когда снаружи безобразничал ливень, он радовался, что находится в сухости. Священник-капеллан, прожужжал ему и своему помощнику, называемому сокелейником, все уши, жалуясь, что заинтересованное духовенство борется со всеми ересями, кроме некоей монофизитской, тем самым освобождая последней дорогу.

За пару дней нахождения в дворцовом комплексе Прокопийскому довелось отведать вкусной еды, а теперь, на выезде, его ждала скудная похлёбка, а также армейские сухари, называемые *букеларионом*. Именно в честь этого походного хлеба именовали личный отряд полководца. Кесарий затруд-

нялся ответить, была ли в истории у кого-то ещё, помимо его начальника, подобная орава в подчинении. И недоумевал, зачем императору давать Велизарию такую свободу. В отряде служили и обычные граждане империи, бывшие рабы, но костяк букелариев всё же составляли выходцы из-за Истра, в основном германцы. Если подразделения федератов комплектовались по договору внутри самих варварских племен, живших в пределах государства, то в дружину букелариев проходили отбор. Секретаря давно интересовали загадочные народы. Вечером второго дня за Галатой он вышел на прогулку между палаток. Варвары были рослы, светлокожи, бородаты, облачались в рубашки в полоску и клетку, а также носили сыромятные штаны. Волосы разных цветов, с преобладанием разных оттенков русого, от блондинистого до тёмного, заплетали в косы, узлы, пучки. На коже у некоторых красовалось тавро, но его не прятали, а выставляли напоказ.

Правда, общение не задалось. Только Прокопийский подходил ближе к их компаниям, как они прекращали болтовню на своих наречиях и тарасились на чужака. Иногда в их взглядах читалось пренебрежение. Иные делали вид, что не понимают ни греческого, ни латыни.

«Ну-ну, боевую задачу как до тебя доносят?» – обижался помощник магистра и шёл дальше. Когда он дошёл до края лагеря, то наткнулся на мужчину, сидящего у костра в одиночестве.

– Заблудиться, родной? – Эллинский язык не давался то-

му легко.

– Ищу с кем поговорить.

– Разговор? Давай! – ответил букелярый, что отличался огненно-рыжими волосами и еле различимыми веснушками.

– Чем вы занимаетесь в отряде? Ну, у вас ведь есть копье-носцы, мечники, лучники и всё такое, – проговорил Кесарий.

– Разным. Больше вожусь с боевой коняшка.

– А, вы объездчик лошадей, понятно. А как вас зовут?

– Имя – Райтелей. Твой?

**

За полмесяца Прокопийский убедился, что немногословность и аскетизм присущи характеру Велизария – бывает, ведь, что пелена первого впечатления спадает очень быстро, обнажая настоящие стремления человека. Полководца совершенно не пугали выгребные ямы казарм, по недоразумению называемые уборными, грязь, холод и прочие неудобства. Также Кесарию казалось, что начальник будто избегает посещений своего дома, хотя возможностей для них оказывалось предостаточно.

Но всё же однажды, оставив отряд на постое за стенами Феодосия и оказавшись в городе, полководец решил заглянуть к себе. Уника скакал за Велизарием, за спиной его сидел Кесарий. Секретарь узнал места рядом с Большим ипподромом и Мраморным морем.

Перед закатом кони въехали во двор. Полководец спешился и устремился к крыльцу.

– Супружеское ложе зовёт, – посмеялся Уника. – Мальчи-ка им недостаёт.

Он слез с лошади, помог сойти ехавшему с ним, а затем пошёл к точильному станку под навесом, дабы освежить затупившееся лезвие ножа для разделки дичи.

Внимание секретаря захватил огромный придомовой сад, петляющие дорожки, перила террасы у берега вдали и огромный трехэтажный особняк, находящийся в плотницких лесах.

– Вот это домище! – непроизвольно выпалил Прокопийский, любуясь теперь резными колоннами входного портика, по размеру превосходящего канцелярский. – Выглядит, как новый. Давно построили?

– Черт ведает, букашка, – без капли злости ответил Уника, обернувшись на голос. – Хоромы отняли у Плова какого-то. Отдали командиру.

«Плов? Наверное, речь про сенатора Прова, родственника василевса Анастасия, что прямо перед Юстином правил, – рассудил Кесарий. – Громкая история была: погорел на воровстве и взятках. Видимо, так наказали».

– А почему чинят? – спросил спустя некоторое время он. «Хотя, возможно, просто обновляют штукатурку»

– Горело. Подожгла хозяйка. По неосторожности. Остальное нам знать необязательно, – ответил телохранитель магистра, проверяя остриё изогнутого ножа большим пальцем.

Глава 13. Зрелище

Восемь всадников кружили по траве четырёхугольного поля, ограниченного со всех сторон углублениями. Каждый конник держал в руках длинную палку, изогнутую и утолщённую на конце. Затем всадники разделились на две равные команды, разойдясь по краям площадки. Юнец положил в центральный круг из меловой посыпки *циканий*, кожаный мяч. Правила игры такие: дабы победить, нужно двадцать минут с помощью клюшек загонять мячи в отмеченный вертикальными палками промежуток за спинами соперников. Какая команда забьёт больше, та и одержит верх.

Игру, в отличие от доступных народу гонок на ипподроме, проводили на берегу моря, вблизи Большого дворца. Происходило это примерно раз в три-четыре месяца. У раскидистых крон каштана, со стороны дворцовых построек, находились трибуны, с которых открывался обзор не только на поле, но и на залив. Занимали зрительские места человек сорок. Центральное ложе с навесом, удобными сидениями и подушками отводилось императору и его ближнему кругу. По правую руку от Юстиниана сидели Флора и префект столицы. По левую – Велизарий и Трибониан. В ложе также находились телохранитель и слуги.

Кесарию выделили скромное место в самом крайнем ряду, на отшибе, подле схода, позади сенаторских сидений.

Впрочем, его приятно удивляла сама возможность побыть зрителем такого аристократического мероприятия. Кроме того, ему впервые удалось увидеть василевса воочию так близко, пускай и пока только со спины.

– Вы правы, предшественники действительно недостаточно внимания уделяли коннице, – громко сказал Велизарию Юстиниан, чуть наклонившись. Подвески на его диадеме, ниспадавшие практически до плеч, дрогнули в танце.

Удобно расположившись в кресле, император махнул распорядителю игр правой ладонью. Загудел свисток. Всадники вздыбили коней и опустили клюшки прямо к земле.

Кесарий внимательно следил за игрой, стараясь ничего не пропустить.

«А это интересно, оказывается», – подумалось ему.

Зрелище увлекло его настолько, что он не заметил, как на соседнем сидении буквально из воздуха возник Нарсес, которого сложно было назвать неприметным. На евнухе была туника с изображением орла на всю грудь, опоясанная синей лентой с жемчужными вставками.

Под шум оваций после забитого вскоре мяча Нарсес заговорил, привлекая внимание секретаря:

– Маловато игроков. Увлекательней, когда хотя бы пять на пять.

– Угу, – выдавил из себя помощник магистра, почувствовав неловкое напряжение.

– Жаль, не сделал ставку, – посетовал советник.

Тут же на Нарсеса цыкнул, повернувшись полубоком, сенатор из переднего ряда. Евнух сложил ладони и степенно кивнул в знак понимания.

«Идут ноздря в ноздю!», – рассуждал Кесарий, порадовавшись временному молчанию соседа. Он елозил на месте, время от времени прихлопывая кулаками по коленям.

Вдруг со стороны аллеи раздался истошный крик. Большинство зрителей невольно повернулись. Исходил крик от человека, который пытался пройти через стражу у спуска к полю и спорил с ней. Обратил внимание на шум и Юстиниан. Привстав и пристально рассмотрев пришедшего, он подал сигнал рукой судье, теперь уже для остановки состязаний.

– Пропустите! – наказал стражникам император, и те расступились.

Кесарий теперь увидел, как по направлению к зрительским местам, пошатываясь, пробирался подтянутый мужчина средних лет. На нем сидела варварская рубаха в большую клетку и штаны из кожи. Единственное, что не вписывалось в его «дикарский» образ – добротная бронзовая пряжка с округлым крестом и инкрустациями, явно созданная в составе ограниченной партии столичными ювелирами.

– Забрали мой щит! *Представляешь*, брат. Мой герульский щит. *Птом* не пропускали, – запинаясь и заикаясь, орал пришедший, при этом активно жестикулируя.

Лицо его горело красно-кирпичным багрянцем. На щеке

вертикальной чёрточкой зияла свежая, но успевшая зажить, рана. Правая рука, которой он дёргал, пугала зажившими волдырями от огня, и со стороны казалось, будто бы она из застывшего воска.

– Нахал!

– Пьяный, спору нет, – зароптали сенаторы.

– Герман, ты помешал мне наслаждаться игрой, – с укором проговорил император. – Но я великодушно прощаю тебя.

– Братец Пётр, – ответил ему выпивший неустановленное количество неизвестного горячительного Герман. – Спускайся – обнимемся!

Прокопийский напряг извилины и вспомнил сводки о положении дел на севере, в которых отмечали храбрость магистра Фракии Германа.

– Одичал на границе, – съязвил Нарсес.

Телохранитель Маркел обратился к императору.

– Мне разобраться? – спросил здоровяк.

– Велизарий разберётся, – спокойно произнёс Юстиниан, а затем громко сказал двоюродному брату: – Забудь про моё великодушие. Я быстро устал от твоей наглости!

Флора молча дёрнула мужа за рукав пурпурно-золотистой рубахи, но тот повертел головой. Услышав слова своего господина, Велизарий встрепенулся. Не проронив ни слова, он спустился с подиума и подошёл к Герману. Зрители, отвернувшиеся от всадников, теперь ожидали нового зрелища.

Герман рассмотрел соперника, с которым он был пример-

но одного роста да комплекции, и рявкнул:

– Узнал т-бя, гвардеец.

Велизарий ничего не ответил, а только закатал рукава хитона и поднял кулаки на уровень своего подбородка.

– Угрюмый жеребчик отделаёт наглеца, как любовника своей Антонины. Готов поставить фоллис, – полушёпотом сказал Кесарию Нарсес.

Поединок начался. Герман сорвался с места и поспешил нанести удар обгоревшей рукой в область носа, но Велизарий с лёгкостью увернулся, после чего толкнул пьяного. Герман потерял равновесие, соприкоснулся с плиткой, схаркнул и быстро встал, готовясь напасть снова. В тот момент магистр армии во Фракии напоминал секретарю быка, что решил разбежаться, выставя рога вперед. Велизарий без труда избежал новой атаки и ударом в корпус вновь отправил противника лежать.

– Пётр, грязный ты свинопас! – еле слышно пролепетал поверженный. Голос его словно звучал трезвее.

Юстиниан соединил пальцы рук, стягивая подушечками кожу, и прокричал:

– Ударь его ещё раз, по лицу. Но вполсилы. Мне он ещё понадобится!

Велизарий замешкался. Он отвернулся от распластавшегося Германа и устремил взор на зрителей. Поводив глазами туда-сюда и поймав растерянный взгляд Кесария, полководец наклонился над телом, прищурился, набрал замах ис-

полнил чужую волю.

– Доставьте этого свина к лекарям, – приказал слугам повеселевший Юстиниан. А затем он похлопал в ладоши. Жидкие хлопки повторивших за ним присутствующих постепенно перерастали во что-то большее. Кесарий не особо хотел вторить всем, но всё же для вида вяло соединял ладони почти без звука. Из всей толпы не рукоплескала только Флора. Велизарий же стоял на алее и с холоднокровным видом пытался оттереть кровь с кулака.

Всё никак не умолкающего Германа унесли. Всадникам дали команду возвращаться к загону. Венценосная чета распрощалась с подданными и удалилась в сторону берега. Зрители тоже принялись расходиться.

– Тьфу, лучше уж смотреть как сжигают долговые обязательства в порфировой вазе, а не на конемяч, – высказал своё мнение префект Лев, когда проходил мимо Кесария.

Корчась от неприятных ощущений в спине, Нарсес встал с места. Кесарий сошёл с подиума за ним, но плёлся, не желая наступать на пятки.

Спустившись Нарсес, поклонился магистру.

– Как ваша жена поживает?

– Нормально. Ваша?

Такой вопрос евноху не оставил Кесария равнодушным: он с трудом сдержался и не хохотнул.

– Готовьтесь навьючивать обозы, флавий. Перс тоже ждёт, чтобы его отделали, – невозмутимо произнёс Нарсес, уходя

в сторону Большого Дворца.

Магистр проводил его взглядом, а затем сказал под нос:

– Не может не кольнуть.

Прокопийский уставился на кровь.

– Вы в порядке? – спросил он нанимателя.

– Да. К чему такие вопросы? Ты же не лекарь и не моя мать, – ответил полководец.

– Виноват...

Они зашагали по аллее, ограниченной ровными рядами кустарника с округлыми листьями и чёрными ягодами.

– Чего от тебя хотел этот змей? – нарушив тишину, заговорил Велизарий.

«А он наблюдательный», – подметил секретарь и выдал: – Ничего. Просто сидел рядом и шипел.

Угрюмое лицо Велизария озарилось. Он задвигал губами, стискивая зубы и выдувая воздух из ноздрей. Щеки его стали похожи на щеки хомяка, набравшего овса про запас.

**

Центральный зал Дафнийского дворца с высокими потолками и мозаикой на стенах украсили прямоугольными полотнищами пурпурного, сугубо царственного цвета. Красители для его получения ценились чуть ли не дороже золота, потому как изготавливались из редких видов морских моллюсков. Несколько сотен людей в зале стоя слушали императора Юстиниана. Он сидел на троне с мягкими подлокотниками и держал в руке скипетр. Голову его украшала привыч-

ная диадема. Пониже шеи фибулой с драгоценным камнем скреплялся длинный плащ-багрянец. Позади василевса уместились Флора, патриарх Анфим, префект города Каппадокийский и Велизарий.

– Освобождение от рабства и угнетения – важнейшее право любого народа. Я предоставлю его просящим в Колхиде и Лазике, откликнусь, снизойду до них. Мы защитим нашу веру от тирании зороастризма! Кавад же не продвинется ни на стадию западнее! – закончил подготовленную речь правитель. Закончилось краткосрочное перемирие с шахом.

Присутствующие встретили эти слова овациями, разносившимися эхом от стен. Под аплодисменты Юстиниан поднялся с престола, что-то шепнул супруге и в сопровождении патриарха и префекта удалился в покои через особую дверь за занавесками.

«Ну вот, только недавно назначили на службу, а уже в полымя. Надо поискать упоминания о том, какая часть войска обычно умирает в пути, ещё до начала сражений – с тревогой подумал Кесарий, находящийся в задних рядах. – Хотя не стоит заранее накручивать».

Заметив, как магистр завёл беседу с императрицей, Кесарий сдвинулся с места и принялся пробираться к Велизарию. Зал был явно переполнен. Прокопийский старался не задеть никого из важных особ или и не наступить на ниспадающие полы одежд. Мимо шмыгали слуги с подносами. Угощения манили, и Кесарий не смог побороть желание взять несколь-

ко оливок из чаши и набить ими рот.

Десятки голосов с разных сторон гудели, подобно осино-
му рою. Все обсуждали что-то, делились мыслями и просто
поддерживали беседу в кругу единомышленников. Кесария
заинтересовали обрывки разговора трёх сенаторов в тогах,
стоявших с опахалами из гусиных перьев, и он сделал пере-
дышку рядом с ними, дабы послушать внимательнее.

– Пусть чернь сама жалуется в префектуру. Откуда у Ипа-
тия тяга к обывательским невзгодам? Отыгрывает сердо-
больного? Верно, он не в себе. – негодовал первый сенатор.

– Отнюдь, мой друг. Он даже не заступился за брата-взя-
точника, – ответили ему.

– Ипатий и Пров из разной закваски.

– Господа, умерьте пыл, – пожурил их третий. – братья
Дикоры, предположу, тут. К чему перемывать кости за их
спинами? Давайте лучше о насущном: справится ли второй
магистр? Опыта у него мало.

«Второй магистр? Речь-то точно о начальнике. А кто то-
гда первый?» – задумался Кесарий, а потом вспомнил о Си-
те, магистре Колхиды и Лазики на восточном направлении,
по совместительству свояке Юстиниана, женатом на родной
сестре Флоры.

– Иначе нельзя. Как считает, Ктесифон-град возьмём?

Во время следующей остановки секретарь чуть не врезал-
ся в неприметного и низкорослого Филоксена Сотерика.

– Пока удалось побывать консулом разок... – похвастал-

ся секретарю Сотерик, так как спутал его с внезапно удалившимся от него *аудитором магистра оффиций*.

Поняв свою ошибку, он задумчиво приоткрыл рот:

– Вы?..

– Уже ухожу, – откланялся Прокопийский.

Он остановился на расстоянии девяти-десяти шагов до Велизария и Флоры и, само собой, держался поодаль. Но и оттуда его дурманил благоуханный аромат духов, рассекавший сухой воздух.

Императрица постоянно придерживала спадающий светлый платок с рисунком из россыпи фиолетовых цветов.

– Постараюсь запомнить, сиятельная августа, – отвечал на не дошедшую до уха секретаря реплику Велизарий, а после поцеловал ей ладонь на прощание.

Магистр резво зашагал к выходу. Кесарий увязался за ним.

– Упарился! – произнёс военачальник, когда подчинённый оказался рядом.

Вскоре они покинули пределы зала и оказались на восточном крыльце, свободном от людей. На мелкоступенчатую мраморную лестницу без перил падала тень.

– Кстати, запомните и потом запишите: смешать щепотку толчёного розмарина с соком анемоны и водой в отношении один к двум.

– Как пожелаете, – ответил секретарь. Он задумывал уточнить, о чём речь, однако магистр тут же сам пояснил с явным

недовольством:

– Антонина пожаловалась подруге на мои мучения от бессонницы – стоило дома три ночи провести. Неудобно как-то.

«Ого, его жена так тесно общается с василисой! – подивился бывший переписчик канцелярии. – Интересно, какова она? Мы ведь не пересекались».

– Могу задать вопрос, флавий?

– Можешь.

– Когда мы отправляемся из Византии?

– После всех приготовлений. Крайний срок – конец месяца, – ответил Велизарий. – Скажи, почему ты называешь город именно так?

– Виноват. Не буду, если надо.

– Нет никакой вины. Просто мне непривычно. Так почему?

– Издержки классического образования.

– Вот как! А чем «классическое» отличается от обычного?

– Афинская школа вообще своеобразна. Подачей знаний, да всем! Мои учителя – помешанные на древности. Отставили самобытность нашей культуры и её независимость от римской.

Он вспомнил размышления о Единой первосущности, мировой душе, громоздкие построения Плотина Ликопольского, Кратета Фрийского, задания на нахождение общего у совершенно разных предметов, ругань между преподавателями, и возжелал оказаться на занятиях.

Велизарий хмыкнул:

– У меня нету никакого образования. Только потуги родительские.

– Могу я спросить о ваших родителях? – осмелел секретарь, чувствуя подходящее настроение собеседника.

– Мать во Фракии, сюда ни ногой, бесполезно уговаривать. Меня над армией поставили, а она всё нос мне подтирает.

– Отца знали?

– Немного. Пал в заварушке у Сирмия.

– Печально.

Магистр, явно оживившийся, отвернулся, будто постеснявшись своей откровенности.

– Завтра не понадобится, отдыхай, – чеканно изрёк он.

«Надо бы наведаться в одно место». – Секретарь с упоением потёр руки.

**

– «Черепаша» – лучшая формация, – с разными интонациями повторял Лаврентий Лид, и из-за погружения не почувствовал характерный скрип библиотечной двери.

– Извините, – робко обратился к нему Кесарий.

Библиотекарь повернулся на него со взглядом голодного пса, сутулясь, но затем выправился и изобразил улыбку.

– Чего желаете, молодой человек?

– Хотел бы почитать тут, у вас. Показать внутренний пропуск?

– Лишнее! Что именно соизволите просить? – обрадовался посетителю Лид.

– Труд про войну диадохов. Ещё – жизнеописание Клеопатры пера Кассия Диона. Можно два свитка сразу?

– Вполне, – ответил библиотекарь.

Он предложил гостю сесть, а сам ушел к стеллажам. Возился там долго. А когда вернулся, то бережно положил два футляра с пергаменами на стол перед Кесарием.

– Вот, держите, пользуйтесь, – сказал библиотекарь и, отойдя немного, с жалобой произнёс. – Искать необходимое тут неудобно, пожалуй, поменяю нумерацию.

Секретарь вспомнил собственный визит к Амиану.

– Говорят, ваш предшественник был интересным человеком. С удовольствием бы завёл знакомство, – с ехидством произнёс он.

Библиотекарь вздохнул:

– Увы, «был». Правильное слово подобрали.

– Что вы имеете в виду? – озадачился Кесарий.

– Его больше нет на сей брэнной земле.

– Как?

– Приступ, кажется, настиг. Хотя вру, утонул. Да, именно. В обычной речушке. С месяц, если не больше. Спас утопающего, а сам не выплыл.

Секретарь проглотил слюну.

– Нигде не сообщалось.

Лаврентий пожал плечами:

– Чему дивиться? Человек незначительный, вот шуму и нет. Тем более, все про провинцию Флориада толкуют, а нынче в довершение про поход станут. Ох, ежели вам дурно, могу распахнуть ставни шире!

Глава 14. Поход

За день до отбытия Кесарий побывал во дворе особняка и издалека увидел, как Велизарий берёт на руки маленькую девочку, гулявшую до этого в компании какого-то посевшего мужчины. Потом со стороны сада пришла женщина с рыжими распущенными волосами. Она была статна, худая, курноса, с плавными чертами, но секретарь не находил её большой красавицей. Сказанные ею слова, обращённые к мужу, до Кесария не доходили, но он подметил живость и артистичную манеру говорить.

**

Вглубь страны, в сторону восходящего солнца, к пограничью с Персией, двинулись восемнадцать тысяч душ. Помимо самих солдат разных родов, отрядами которых командовали старшие комиты, а подразделениями поменьше – младшие, в войске находились прислужники, носильщики, лекари, полевые священники, именуемые капелланами, и много кто ещё. Поклажу перевозили на повозках и телегах, а также вьючных мулах.

На опережение шёл разведкорпус из всадников-федератов. Одну его часть составляли гунны-массагеты с временно поставленным над ними Уникой, который сам был наполовину гунном, другую же – герульские всадники во главе с Форром.

Основной части армии в среднем удавалось пересечь около двухсот стадий в сутки. Тяжелее стало на нагорье, едва под ногами закончился травянистый полог, исчезли даже полынь, ковыль и шалфей, уступив место коричневой сыпучей земле, сухой, бесплодной от палящего зноя. На этом пустынном просторе почти неделю не за что было зацепиться глазу.

Воду ранее запасли впрок, из-за скупости нагорье на реки и даже мелкие ручьи. Из осадков – роса по утру или мелкие капли редкого дождичка. Единственный водоём на пути – озеро Татта, по берегам окаймляемое солью и грязевыми трясинами.

Во время остановки в окрестностях этого озера Кесарий встал среди ночи и по нужде выбрался наружу, где застал полководца за разглядыванием звёзд.

Тот был напряжён, словно атлант с небосводом на плечах.

– Почему не спите, флавий? – спросил секретарь.

– Не знаю. Бессонница вернулась, – без уверенности в голосе ответил Велизарий, словно скрывал что-то. – Хоть в дозор иди.

Прокопийский, закончив дела, снова подошёл к начальнику.

– Флавий, расскажите про войну в Армении. Вы же после неё стали героем. – Внутри бурлила неожиданная бодрость.

– Ай, да чего там рассказывать?! Однажды бились в ущелье, я тогда ещё старшим комитом был. Персов больше нашего, хотели заманить нас в ловушку. Иберийский отряд,

союзнический, полёг. Ну, приказал я изобразить ложное отступление. Враги догоняли, догоняли да расслабились. Раз – а мы уже соединились с парнями Ситы и Августина. Дальше – в ответную атаку.

– Простите, Августина? – услышал незнакомое имя Кесарий.

– Ага, зятя моего, царствие ему небесное.

Велизарий пристально посмотрел на подчинённого и продолжил более строго:

– Не спеши моё назначение на кумовство списывать. Родственником он мне стал гораздо позже. А после того боя я ещё ему жизнь спас. Ну, по его словам.

– Простите великодушно, но я и не думал о подобном, – оправдывался Кесарий. – Могу идти?

– Обожди. Что ты там такое пишешь для себя?

Секретарь мог ответить уклончиво, но ему вообще не хотелось вилять или врать. Возможно, это влияние ночи, когда так и тянет поговорить начистоту.

– Путевые зарисовки, – ответил он. – Иногда хочется что-то описать. Но там ничего страшного, поверьте. Я не хочу стать вторым Каллисфеном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.